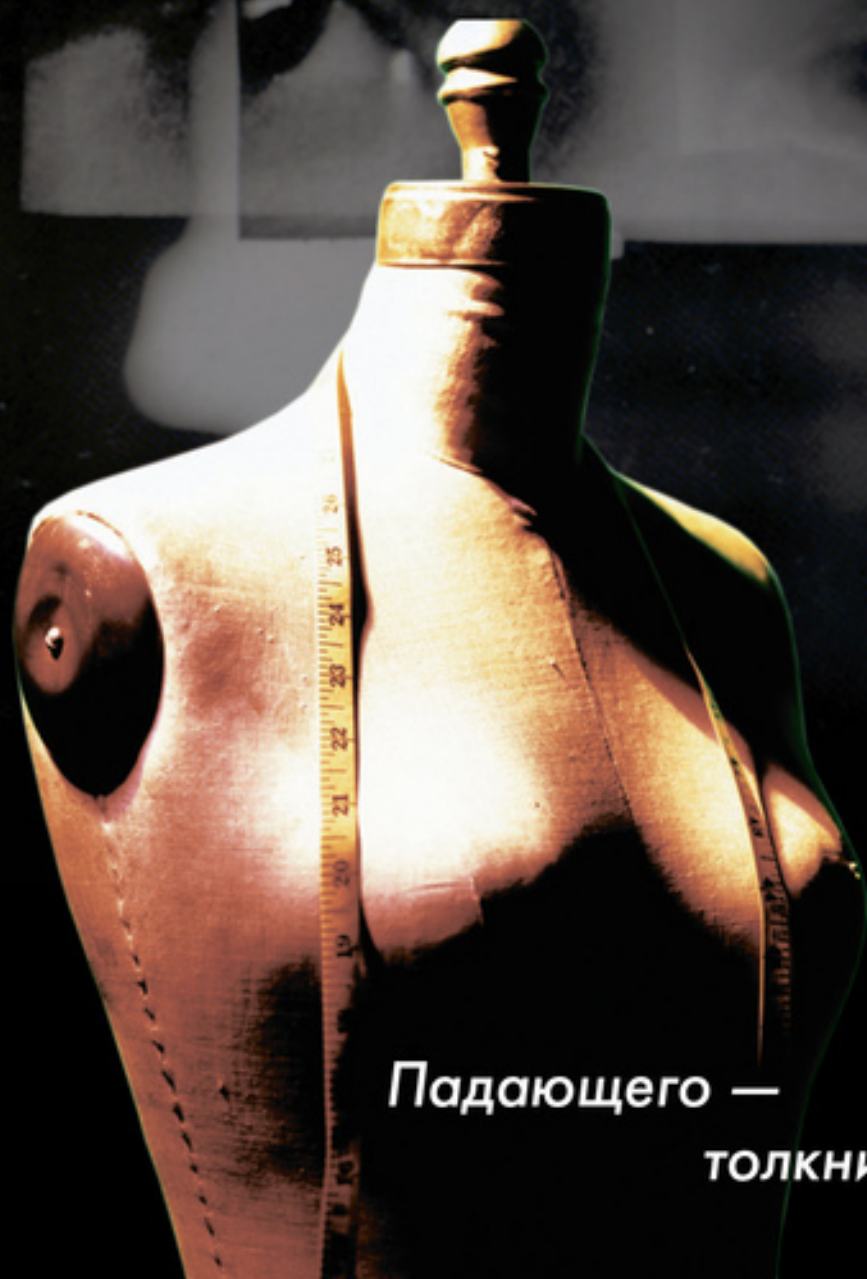

Анна МАЛЫШЕВА

ВКУС УБИЙСТВА

Падающего —
ТОЛКНИ

ДЕТЕКТИВ

Анна Малышева

Вкус убийства

«АСТ»

1999

Малышева А. В.

Вкус убийства / А. В. Малышева — «АСТ», 1999

Она обожала мужа – а тот погиб. Казалось бы, этого удара достаточно для того, чтобы сделать жизнь молодой женщины адом. Но нет – начинают погибать и его друзья, один за другим. Их смерти обставлены с театральной тщательностью, и Татьяна начинает понимать, что близится последний акт этой драмы, невидимый режиссер – серийный убийца, а главная актриса – она...

© Малышева А. В., 1999

© АСТ, 1999

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Анна Малышева

Вкус убийства

Глава 1

Телефон звонил так долго и настойчиво, что девушка наконец открыла глаза. До нее постепенно дошло, что звонки повторяются почти две минуты. «Кому я нужна?» Девушка села в постели и зажала ладонями виски. Она не выпалась и чувствовала – алкоголь не успел выветриться. Когда она шла к телефону, ее заметно пошатывало.

– Татьяна?! – гневно захлебнулся знакомый голос в трубке. – Может, хватит так пугать?

– Кого? – Девушка оперлась плечом о стену и уставилась в окно. За окном – солнечный день, бешено раскачивается верхушка тополя. На улице ветрено, но в ее квартире – сонная тишина, неподвижный прокуренный воздух.

– Я тебе чуть «скорую» не вызвала, – уже более хладнокровно сообщила подруга. – Думала, ты без сознания. Я же знаю, ты дома сидишь! У тебя что – все сбережения в долларах?

Таня недоуменно подняла бровь. Обсуждать такие темы по телефону... «Ксения явно сдурела, что это с ней? Сама же понимает, об этом не говорят...» Но та настойчиво твердила свое, и постепенно Таня поняла – что-то случилось за те дни, которые она провела взаперти, в постели, в полупьяном состоянии. Она перебила подругу:

– погоди, неужели доллары отменили?!

– Да если бы! С луны ты свалилась? – разъяренно выкрикнула подруга. – В нашем универмаге уже никакого порошка нет, а доллар сегодня стоит семнадцать рублей! Ты что – всем уже запаслась?! Или курить бросила?! Твои сигареты тридцать рублей пачка стоят! Клуша! Я в Тушино еду за колготками, хочешь со мной?

Таня попросила дать ей время, чтобы опомниться, и положила трубку. Она не совсем поверила подруге, та явно что-то преувеличила. Девушка чувствовала себя так, будто ее оглушили. Оглушили вторично за последнюю неделю. Но этот удар был ничтожен по сравнению с первым... И все-таки он что-то сдвинул с места.

Впервые за неделю она подошла к балконной двери и открыла ее. Все последние дни дверь оставалась закрытой. Таня боялась, что в один из моментов не выдержит и шагнет через перила. Удержать ее было некому – она жила одна. И вот теперь, забыв об этом страхе, она бессознательно вышла на балкон, вдохнула свежий воздух... Внизу, на асфальте перед подъездом, она увидела маленькую карусель из желтых листьев, пляшущих на ветру. И это как-то укололо ее. Из жизни полностью выпала неделя. За это время пришла осень. И еще что-то случилось в стране, но все же главной новостью пока была осень.

Таня стояла, опершись на перила, и смотрела вниз. Она была в легкой маечке, и ветер прохватывал ее насквозь. И все-таки, как это иной раз приятно – замерзнуть! Хотя как-то ощутить, что жизнь продолжается! Она стояла на балконе долго, пока совсем не ооченела. А когда вернулась в комнату, там снова надрывался телефон. На этот раз звонок был междугородний. Звонила мать из Калининграда. И, поговорив с нею несколько минут, Таня поняла – Ксения вовсе не шутила. Мать намеками выясняла, сколько у дочери наличности в долларах, сколько – в рублях и сколько – в банке. Прямым текстом сообщила только, что цены катастрофические. А когда мать поняла, что дочь ни сном ни духом не ведает о том, что творится, то почему-то тоже пришла в ярость, как и Ксения. Видно, люди воспринимали подобное равнодушие как преступление.

– Включи телевизор! – закричала мать. – Я с ней разговариваю как с нормальной, а она только «как» да «чего»! Рубль обвалился!

Через час Таня уже более ясно представляла себе ситуацию. Она напряженно сидела перед включенным телевизором, отпивала кофе, затягивалась сигаретой и просто физически ощущала, как эти продукты дорожают у нее в руках. И только когда новости закончились и пошла реклама, Таня представила свое положение до конца. По сравнению с теми гражданами, которые мелькали на экране, она пострадала незначительно. Кроме небольшого рублевого счета в Сбербанке, муж оставил ей три с половиной тысячи долларов. Эти деньги она не успела положить в банк. В последний раз она видела их в «стенке», в ящике с медикаментами. Таня встала и выдвинула ящик, достала оттуда белый конверт, заглянула туда... Деньги оказались на месте. Впору было обрадоваться, но она почему-то не обрадовалась. Горло снова сжимали знакомые спазмы, как перед рыданиями. Но слез больше не было – она, похоже, выплакала их без остатка.

Таня покопалась в своем кошельке. Неделию назад на те деньги, которые она там нашла, можно было купить приличные демисезонные сапоги. А теперь? Пять пачек стирального порошка? И то – если повезет? Она попыталась осознать этот дикий факт, но осознание как-то не приходило. Пока Таня понимала только одно – она безнадежно одичала, отстала от жизни за эти дни, проведенные взаперти. И понимала еще, что боль куда-то отступила. Наверное, ненадолго, и сегодня же вечером она снова забьется в угол постели, зароется в подушку и будет плакать теми слезами, которые ничего не в силах облегчить. Но пока ей не плачется. Впервые за эти дни.

Она прошла в ванную и включила свет. Из зеркала на нее взглянуло бледное, сонное, такое знакомое лицо. Сонным оно казалось потому, что глаза за эти дни опухли от слез. Таня включила холодную воду, нагнулась над умывальником и, сжав зубы, несколько раз облила лицо из горсти. Когда она взглянула в зеркало опять, глаза открылись пошире, а на щеках появился намек на прежний арбузный румянец. И тогда она сорвала майку, стянула трусики и храбро встала под холодный душ.

Через час Таня вышла из подъезда. Она нарядилась сильнее обыкновенного, надела красный свитер и короткую юбку. Юбка на ней болталась – все эти дни она ела мало и через силу. Зато теперь ее выгнал из дома банальный голод – в холодильнике было пусто, не осталось ни куска хлеба, ни капли молока. Кончались сигареты, и обнаружилось, что под ванной красуется почти пустая пачка порошка. Таня пересекла двор, бросила взгляд на машины, которые были припаркованы у бордюра, привычно запустила руку в сумку, за ключами. И остановилась. Ни машины, ни ключей от машины у нее больше не было. Как не было и многого другого. И к этому тоже надо было привыкать заново. Она отправилась в поход по окрестным магазинам и сразу ощутила себя, как в туристической поездке. Все казалось новым, незнакомым – и взвинченные цены, и очереди, и опустевшие прилавки хозяйственных отделов, и толпа, которая загрохотала улицы в такое странное время – в три часа дня. «Господи, что же тогда творится в час пик?! – думала она, продираясь к дверям булочной. – Или всех уже с работы повыгоняли, вот они и бегают?!»

С Ксенией она столкнулась через час. К тому времени Таня, совершенно ошалев, стояла возле закрытого коммерческого киоска, где прежде торговали аудиоаппаратурой, и курила. В толпе мелькнула знакомая прическа – выкрашенные в черный цвет кудри, по-испански заколотые гребнем из поддельной черепахи. Девушка оглянулась на нее и стала пробиваться к киоску. В руке у нее болтался раздутый пакет, судя по виду, не слишком тяжелый. Подруги расцеловались.

– Как успехи? – нервно спросила Ксения. – Не знаю, может, я глупость сделала, но купила сто пар. Наши, тушинские. Говорят, колготок совсем не будет. Смотри, что на улицах творится! Все сметают! Что потом жрать будут?!

– Не может быть, чтобы даже такие колготки совсем пропали, – не поверила Таня.

Вид у подруги был загадочный и в то же время взмыленный. Она явно ощущала какое-то нездоровое удовольствие от всего, что творилось вокруг. Шепотом сообщила, что рублей у нее почти не осталось, – все уже вложено в продукты и прочие материальные ценности. А как обстоят дела у Тани?

– Да в общем, рублей тоже уже нет. – Таня заглянула в сумку. В основном она купила кофе и сигареты – сюда и ушли все деньги. Остальное потратила на несколько кусков мыла, здоровенную курицу и две бутылки минеральной воды.

– Доллары есть? – лихорадочно спросила Ксения, простреливая взглядом толпу. – Есть? Тогда приberi их подальше. Говорят, сейчас такое начнется! Будут квартирные грабежи! Натуральные налеты, вооруженные банды! А ты же теперь одна живешь, вообще страшно... Ой, прости!

Но Таня как будто пропустила ее последние слова мимо ушей. На самом деле они ее больно задели, но внешне это ни в чем не проявилось. Она выбросила окурок и подхватила сумку:

– Ты домой?

Подруги жили в одном подъезде. По дороге Ксения напряженно о чем-то думала и то и дело посматривала на часы. Потом, уже в лифте, конспиративным шепотом позвала Таню в гости, «кое на что взглянуть». Та согласилась – хотелось хоть как-то оттянуть момент, когда придется вернуться в свою опустевшую квартиру. И только когда подруга заперла за собой дверь, Таня узнала, откуда такая загадочность. Ксения утащила подругу на кухню, усадила ее за стол и зашептала:

– Понимаешь, сейчас доллар резко растет. Но Алеша говорит, что потом он будет так же резко падать. Если у тебя есть доллары, то соображай сама, какие дела можно делать?

– Какие? – Таня была совсем не расположена обсуждать подобные темы. Какое ей в сущности дело, как сильно вырастет или упадет доллар? В ближайшее время она с голоду не умрет, а потом... Потом – что Бог даст.

Но Ксенией владели совсем другие настроения. Она была лихорадочно возбуждена и вся горела, когда шептала:

– Сегодня обменные пункты закрыты, долларов в продаже нет. Зато «жучкам» легко можно продать, скажем, по пятнадцать рублей. Продашь сто баксов, а через неделю курс упадет так, что ты на эти деньги купишь уже сто пятьдесят долларов, а то и двести. Сечешь?! Тут главное – вовремя втиснуться, потому что доллар будет прыгать вверх-вниз еще много раз.

Таня жалко улыбнулась:

– Мне не до этого...

– Слушай, но ведь надо как-то жить! – возмущенно воскликнула Ксения. – Ты на себя посмотри – так же нельзя! От тебя один скелет остался! Я все понимаю – кризис, да еще муж умер, но так все равно нельзя!

Таня дернулась – висок прострелила резкая боль. Ксения нагнулась к ней и порывисто сжала ее за плечи:

– Извини... Я совсем озверела с этим кризисом. Мне уж кажется, это было давно. Почему ты живешь одна? Твои родственники что – совсем сдурели? Хоть первое время могли с тобой побыть...

Таня отвела ее настойчивые руки и встала:

– Голова болит. Знаешь, я пойду к себе.

Ксения еще что-то говорила ей вслед, но Таня больше не слушала. Подхватила сумку, подождала, пока ей откроют дверь, и поднялась к себе на восьмой этаж. Сжав зубы, боролась с замками – первым, вторым, третьим... Руки дрожали, и ключи скользили мимо скважин. Едва оказавшись в собственной прихожей, Таня швырнула сумку в угол и обхватила синий мужской

плащ, все еще висевший на вешалке. Через секунду она услышала свой вой – тонкий и жуткий. А потом брызнули слезы.

Эта квартира была полна призраков. До сих пор казалось, что здесь живут двое. В прихожей висел его плащ, стоял запылившийся ряд чистенных и нечищенных ботинок. В шкафу на плечиках мирно покоились его пиджаки и брюки, на полках – стопки рубашек и свитеров. Но самое страшное было в ванной. Таня до сих пор не могла решиться даже на то, чтобы убрать с полочки его бритву, крем для бритья, помазок... Иногда в голову приходила дикая мысль – если все оставить, как было, то он вернется... Если проявить упорство, то в мире обязательно что-то изменится. Может случиться невозможное – и однажды она проснется оттого, что в ванной шумит душ. Потом она встанет, накинёт свой красный халат, тихо пройдет по коридору, постучится в дверь ванной... Откроет ее, войдет. Увидит, как он бреется, внимательно рассматривая свое лицо в зеркале. Она сядет на край ванны и скажет, что он опять залил весь пол. Таня специально скажет что-то совсем будничное и даже неприятное, чтобы не спугнуть его. Он сполоснет бритву, отложит ее, потом причешет на косой пробор темно-русые волосы. Причесывается он так тщательно, будто от этого зависит чья-то жизнь. Потом скажет своим низким мурлыкающим голосом, что времени завтракать нет, он только выпьет кофе. Она увидит в зеркале его глаза, его улыбку. И все будет, как прежде. Как было пять лет подряд, пока не раздался телефонный звонок, после которого она несколько минут лежала в обмороке, а когда очнулась, мир превратился из цветного в черно-белый.

«Надо убрать отсюда плащ, – подумала Таня, с трудом проглатывая слезы. – Я сойду с ума. Здесь везде его вещи. Надо собрать все и отдать кому-нибудь. Ну, хотя бы его брату. Или родителям. Или бедным». Она сняла с вешалки плащ, но вместо того, чтобы сунуть его в шкаф, прижала к груди. Так, с плащом в обнимку, она прошла в комнату, улеглась на постель и закрыла глаза. Снова, в который раз, ей казалось, что она умирает. И в то же время она знала – это далеко еще не смерть. А что такое смерть? Смерть – это нечто черное, съездившееся, пахнущее гарью. То, что ей показали, отогнув какую-то клеенку, отчего она стала биться и орать, пока не получила укол и не уснула глубоким дурным сном. Смерть – это когда незнакомый голос по телефону сообщает, что ей надо приехать на дачу и опознать тело мужа, и она смеется в ответ и спрашивает, с ума все сошли, что ли, потому что он уехал из дома час назад, а на прощание поцеловал ее, и в это время она как раз гладила его рубашки... Смерть – это похороны, на которых она не смогла держать себя в руках, и вешалась всем на шею, и требовала сочувствия, сейчас же, немедленно... Это пустые бутылки, которые выстроились на полу в кухне. Это ощущение, что весь мир стал чужим. Смерть – это всего-навсего отсутствие одного человека. Того самого, без которого жить нельзя.

– Господи, как я тебя любила! – сказала она вслух и опомнилась.

Таня открыла глаза и увидела себя будто со стороны. Бледная белокурая девица в красном свитере лежит на постели в обнимку с мужским плащом. Вокруг бог знает, что творится, и неизвестно, заперла ли она входную дверь. Но девица лежит и с упоением предается горю. И конца этому не видно.

– Господи... – уже тише пробормотала она и аккуратно отложила плащ в сторону. Прошла в прихожую. Так и есть, дверь открыта. Не настужь, но все же... Таня щелкнула замками – одним, другим, третьим... Повернулась в угол, чтобы взять сумку и отнести ее на кухню.

Сумки на нужном месте не оказалось. Таня на миг остановилась, потом сказала себе, что доигралась: сперва отказывают нервы, потом – память. Значит, она уже отнесла сумку на кухню? И тут она почувствовала, что из кухни тянет сигаретным дымом. Она прикусила губу, сердце сделало несколько лишних ударов. Дым его сигарет. Негромкий скрип паркета – он сделал шаг. Повернулась ручка окна, тихо скрипнула рама... Она знала, что сейчас упадет в обморок. Мир стремительно выцветал в ее глазах, все звуки доносились, как сквозь вату... Но она все же сделала несколько шагов и увидела его спину. Он стоял у окна в своей излюбленной

позе – одна рука в кармане брюк, в другой зажата сигарета. Светлые волосы блестели на солнце. Он слегка покачивался с пятки на носок и обратно – как всегда, когда задумывался. Таня вскрикнула и увидела, как он обернулся.

– Татка, Татка, так нельзя... – Ее слегка хлопали по щекам, потом к ее губам приник край стакана. – Выпей, открой рот!

Она слабо всхлипнула и сделала глоток. Что это было – виски или коньяк, Таня не различила. Но сейчас предпочла бы воду. Теперь она понимала все, кроме одного – как могла быть такой дурой?! Такой доверчивой идиоткой?! Или это просто начало безумия? Перед нею маячило лицо, которое она знала так же хорошо, как лицо покойного мужа. Не узнать деверя со спины – какой идиотизм...

– Славка, – шепнула она. – Ты что – больной? Почему ты там притаился?

– Я думал, ты спишь, – смущенно пояснил парень. И снова поднес ей стакан: – Давай выпей, и я тебе еще налью.

– Не надо!

Она самостоятельно села, пригладила волосы, поправила юбку. Славка в раздумье посмотрел на стакан и допил его сам.

– Ты же за рулем, – машинально напомнила Таня.

Тот отмахнулся:

– Никому сегодня дела нет. Татка, ей-богу, я не хотел тебя пугать. Но я подошел – дверь открыта. Заглянул – ты вроде спишь. Я решил на кухне подождать. Только сумку разобрал. Там курица, могла протухнуть.

Девушка отвела взгляд. Иногда он так напоминал Стаса, что снова хотелось выть. Эти бесцветные ресницы, пшеничные брови, серые ясные глаза, веселые и подозрительно честные, какие бывают у положительных героев в кино... Ей вспомнилось, что на поминках она мгновенно напилась и, похоже, перепутала Славку с покойным мужем. Обнимала его, целовала и вела себя так, что в конце концов ее увели в другую комнату и уложили спать. Воспоминание было смутное и оставляло жгучее чувство стыда. Но Славке, казалось, все было нипочем. Он хлопал ее по плечу и бормотал:

– Успокойся, надо отвлекаться... Так и с ума сойти недолго... Почему ты дверь не запираешь, а? Заходи, кто хочет? Или ждешь кого-то?

– Сейчас я чайник поставлю.

Тане наконец удалось встать. Все эти дни ей хотелось, чтобы хоть кто-нибудь пришел ее навестить. Но никого не было. Теперь-то она понимала почему – у всех внезапно появились другие проблемы. Но вот сейчас о ней вспомнили, а она не ощутила никакой радости. Напротив – ей вдруг захотелось остаться в одиночестве. О чем говорить со Славкой? О Стасе? Это будет невыносимо. А о чем еще?

Но оказалось, что Славка отлично знал, на какую тему можно побеседовать. Он последовал за ней на кухню и там, чиркнув зажигалкой, рассудительно сказал:

– Я хотел спросить, что ты собираешься делать со страховкой?

– Прости? – Таня повернулась и бросила на него косой взгляд. Ей показалось, что она ослышалась.

Но Славка все так же рассудительно, с расстановкой разъяснил, что его брат был застрахован от несчастного случая. Так что € Таня собирается делать? Ждать, пока деньги обесценятся?

– Какие деньги? – Она наконец зажгла газовую конфорку под чайником. – Я понятия не имею ни о какой страховке... Славка, ты-то откуда про это знаешь?!

Оказалось, что братья застраховались вместе, в один день, в одной и той же компании. И вот Славка только теперь об этом вспомнил, а до тех пор так забегался...

– Я бы не стал тебя торопить, но именно сейчас деньги так обесцениваются, – смущенно закончил он. – А страховая сумма-то в рублях. Сама понимаешь... Две недели назад это были полторы тысячи баксов. А сейчас – меньше, чем шестьсот долларов. Разницу ощущаешь? Это безумие какое-то...

– Бог ты мой! – Таня растерянно смотрела на него. – А я-то что могу сделать?

– Нужно представить в компанию документы, что с твоим мужем произошел несчастный случай. Ну, свидетельство о смерти. И только через пять дней они тебе заплатят...

– Тебе нужно свидетельство о смерти? – наконец поняла она. – Сейчас...

Но он внезапно поймал ее за руку. Его голос стал низким и просительным:

– Татка, знаешь, ты лучше получи эти деньги сама. А я, вообще-то, зашел с просьбой... Не займешь пятьсот баксов?

И она чуть не ответила, как обычно: «Спроси у Стаса». Но спохватилась, что теперь спрашивать не у кого. Такие решения придется принимать самой. Она знала, великолепно знала, что денег деверю давать нельзя. Он ни за что не отдаст. Не было ни одного случая, чтобы он вернул хоть часть занятой суммы. И сам Стас неоднократно говорил ей об этом. «Сколько он у меня перетаскал – это ужас! – меланхолично рассуждал муж. – Мне, вообще-то, не жалко, но всему есть предел... Я понимаю, что у него двое детей, но я-то чем виноват?» Но стоило Стасу выпить в компании с братом, как он легко доставал бумажник и отсчитывал столько, сколько тот просил. У него как будто существовало два характера – один пьяный, другой трезвый. Трезвый Стас был спокойным, довольно расчетливым, рассудительным парнем. Но стоило ему выпить – и в нем пробуждалась славянская ширь натуры. Таня молилась Богу, чтобы он не подрался с милиционером, не подарил пиджак вместе с документами бомжу и не уснул в подворотне.

– Ну, так что? – напряженно повторил Славка. – Не можешь пятьсот? Хорошо, четыреста. Понимаешь, Катюшка идет в первый класс, надо же мне заплатить!

– Как? – поразила Таня. – Пятьсот долларов за первый класс?!

– За первый месяц – двести, – нервно пояснил Славка. – Надо внести за два месяца вперед как минимум. Ну, не могу же я отдать ребенка в обычную школу?! Сама подумай!

На миг Таня задумалась, почему же он не может этого сделать. Сама она училась в самой обычной школе, и воспоминания о бесплатном первом классе вовсе не были какими-то ужасными. Мелькнуло подозрение, что Славка просит деньги вовсе не для дочери. Но она никогда не умела отказывать, тем более – родственникам мужа. Иногда ее что-то возмущало, настораживало, просто отталкивало. Но каждый раз какой-то трусливый внутренний голос заявлял ей: «Ты не имеешь права отказаться». И она сдавалась. Никто, и уж тем более Славка, ни словом не дал ей понять, что она, иногородняя, должна быть всю жизнь обязана мужу-москвичу за сам факт женитьбы и прописки. Но она постоянно ждала, что такой упрек прозвучит. Это было бы болезненным ударом, болезненным и подлым. Потому что возразить ей было нечего.

– Понимаешь, – с запинкой произнесла Таня. – Я дам тебе четыреста долларов, но что потом? В ноябре тебе опять придется занимать деньги? У меня ведь больше не будет...

– Я что-нибудь придумаю, – твердо пообещал Славка, и она больше не возражала. Сходила в комнату, быстро отсчитала четыре бумажки из пачки и принесла их на кухню:

– Вот... Передай привет жене.

Славка спрятал деньги, поколебался, поцеловал Таню в щеку и сказал «спасибо». Голос прозвучал неуверенно. Видно, он совсем не ожидал, что ему так повезет. Потом он выпил чашку растворимого кофе, выкурил сигарету и ушел. Таня вышла на балкон и проследила, как он садится в машину – старые «Жигули» кофейного цвета. Быть может, деньги требовались на ремонт и профилактику, или Славка должен был срочно отдать какой-нибудь очередной долг... Таня снова вспомнила, как вела себя на поминках. Как быстро и безобразно она опьянела. Как в этом пьяном тумане перед ней появились ясные серые глаза, послышался знакомый

низкий голос... И как она повесилась на шею Славке, хотя при этом отлично понимала, что обращается не по адресу. Куда же смотрела Славкина жена? «А ее вообще не было на поминках, – вспомнила Таня. – Она, как всегда, сидела дома с детьми. У них же постоянно хоть одно чадо болеет».

Она включила телевизор, но очередной выпуск новостей был пропущен ею мимо ушей. Таня боролась с собой. Ее мучило желание открыть бар и налить такую порцию водки или коньяка, чтобы как можно быстрее уснуть. Все эти дни она справлялась с отчаянием только таким способом. Оглушала себя алкоголем и спала, а проснувшись – опять открывала дверцу бара. Но сейчас она прилагала все силы, чтобы справиться с собой. «Все кончится тем, что я просто сопьюсь, – подумала она, вертя в руках пустой стакан, из которого пил Славка. – И сделаю это очень быстро, в рекордные сроки. Водка-то пока не подорожала. Ну а если сопьюсь – кому от этого будет плохо? У Славки вон двое детей. Он носится как заводной, старается хоть как-то их обеспечить, хоть в долг взять. Стал бы он так стараться, если бы не дети? А мне ради кого шевелиться? Мужа нет. Ребенка нет. И вообще, как-то я никому не нужна...»

Чтобы отвлечься, она встала и принялась рыться в шкафу, в том отделении, где лежали все бумаги. Страховой полис на имя мужа она нашла почти сразу. Тане показалось, что пункты договора сформулированы сухо и цинично. Во всяком случае – какое дело покойному мужу до того, что жена получит эти деньги? Зачем страховаться? Сама она ни за что бы не сделала подобного шага. И подумав об этом, вдруг себя упрекнула: «Правильно, после тебя хоть трава не расти. Потому что никого ты после себя не оставишь. Господи, а что делать-то? Ребенка рожать? От кого?! От кого попало?! Или опять выйти замуж?» Она думала обо всем этом как будто не всерьез, но такие мысли тем не менее ее расстроили. В полисе ясно и четко говорилось, что, если смерть наступила в результате приема наркотиков, совершения застрахованным лицом преступления, а также в состоянии алкогольного опьянения, компания платеж не производит. Наркотики? Преступление? Смешно подумать. А если Стас был пьян? Об этом она ничего не знала. Так был или не был?

Он сгорел за рулем своей машины, неделю назад, когда отправился на дачу к своим родителям. Он поехал туда по их просьбе, чтобы перевезти в город банки с заготовками. У Стаса совсем не было времени, и потому он не задержался на даче. Вместе с отцом загрузил банки в багажник. На заднее сиденье положил сумку с грязными вещами – их попросила отвезти мать. Затем отец вручил сыну ключи от своей квартиры. Договорились, что Стас самостоятельно перенесет туда банки и вещи, а ключи пока оставит у себя. Потом Стас выехал из дачного поселка... День был рабочий, на дачах в такое время полупусто. Никто не видел, как он покинул поселок и почему вдруг, без всяких видимых причин, свернул с шоссе, ведущего в Москву. Когда пылающую вдаль, на проселочной дороге, машину заметил проезжавший по шоссе водитель грузовика, Стас был уже мертв. Дверца с его стороны оказалась открыта. Как видно, он сделал попытку вывалиться из загоревшейся машины, но ему помешал пристегнутый ремень. Сам ремень сгорел, но оплавившийся пластиковый замок был найден в защелкнутом состоянии. Это те детали, которые запомнила Таня. Но ведь наверняка существовали и другие. Она не думала о них, она ничего не хотела знать. Он умер – и этого было уже слишком много. «А ведь все это ужасно, – подумала она, машинально разглаживая свидетельство о смерти. – Что произошло? Несчастный случай? Почему же загорелась машина? Почему он съехал с дороги? А я ничего не знаю. Прожила эти дни как слепая, как глухая, как набитая дура...»

Она набрала номер телефона, который значился в страховом полисе. Через минуту ей ответила девушка. Голос у нее был не очень любезный, даже, скорее, неприветливый:

– Слушаю.

– Мой муж был у вас застрахован, – неуверенно начала Таня. Запинаясь и путаясь, она изложила свое дело, а заканчивая рассказ, почувствовала, как горят щеки. Ей было стыдно

просить деньги за то, что умер муж. «Но ведь если он застраховался, значит, хотел, чтобы я эти деньги получила? – подумала она. – Значит, я должна это сделать».

Девушка выслушала ее и раздраженно заметила:

– Так что – идет следствие?

– Я... не знаю, – растерялась Таня. – Может быть... Но ведь он умер...

– Тогда надо представить результаты вскрытия, заключение судмедэксперта, – отрезала девушка. – А если идет следствие, то мы вообще не вправе оплачивать полис. Может, он был пьян или угнал машину? За что тогда платить?

Таня выяснила одно – чтобы обратиться за страховкой, одного свидетельства о смерти недостаточно. Она положила трубку и выругала себя: «Почему же ты не отдала полис Славке?! Он бы все сделал! Если ему нужны деньги, он все сделает! Но нет, черт возьми, ты отдала ему доллары, а сама решила заняться всей этой рутинной!» Она дала себе слово, что спрячет полис подальше. Деньги в обмен на унижение, на объяснения со страховой компанией... Таня снова перечитала строчки из свидетельства о смерти, которые знала наизусть. «Причины, повлекшие за собою смерть: перелом основания черепа, ожоги четвертой степени (90 процентов)». Об алкогольном опьянении – ни слова. И где, когда Стас успел бы выпить?

Таня почти автоматически подошла к бару и открыла дверцу. Налила на доньшко бокала виски и выпила не разбавляя. И только потом поймала себя на том, что делает. «Значит, мне суждено спиться, – обреченно подумала она. – Туда мне и дорога». Девушка набрала номер родителей мужа. Дома оказалась свекровь.

– Ольга Григорьевна, это я... Простите, что не звонила...

– Ох, Танюша, – замороченно откликнулась та. – Это ты меня прости. Почему же ты не заедешь?

Таня пробормотала что-то невнятное. Она и сама не знала, почему так резко прекратила общение со свекром и свекровью. Они всегда хорошо к ней относились. Но при этом Тане чудилось, что в их приветливости проскальзывал какой-то холодок. Как будто они воспринимали Таню как временное явление, к которому не стоит относиться слишком серьезно. Девушка не раз пыталась поговорить на эту тему с мужем. Тот округлял глаза – опять она что-то выдумывает! «Отец вообще к тебе здорово относится, а мать просто счастлива, что я женился, – твердо говорил Стас. – Какого ж черта ты расстраиваешься?!» В присутствии родителей мужа Таня замыкалась, хотя изо всех сил старалась казаться приветливой. Вот и сейчас она с трудом выдавила из себя сообщение о том, что обнаружился страховой полис.

– Стас застраховался? – удивленно перебила ее Ольга Григорьевна. – Странно... Как-то не в его духе... А на сколько?

Узнав сумму, женщина вздохнула:

– Да, это уже не деньги... Ты хоть какие-то запасы сделала? У нас после поминок – шаром покати. А муж сейчас в банке. Стоит там в очереди, а зачем – сам не знает. Денег все равно не выдают. Танюш, а ты о чем думаешь? Нужно ведь по полису получить.

Таня почти восхищалась рассудительностью свекрови. На днях, почти на ее глазах, умер любимый младший сын. И вот она спокойно говорит о том, что нужно получить страховку. «Может, так и надо? – спросила себя девушка. – Он умер, но ведь жизнь продолжается... Да еще какая жизнь! Как нужно барахтаться, чтобы выжить... А я все реву да потихоньку напиваюсь. А может, она просто любила его меньше, чем я?» Крамольная мысль, но в глубине души Таня была уверена, что попала в точку. Просто невозможно, чтобы кто-то любил Стаса больше, чем она! А если и так, все равно этот кто-то – не Ольга Григорьевна.

Таня объяснила, в чем состоит трудность при получении страховки. Ольга Григорьевна возмутилась:

– Кто выпил?! Стас? Он же был за рулем! Я ему точно не наливала...

– А им нужны доказательства.

– Какие еще доказательства! – Женщина говорила все более нервно и отрывисто. – Шарашкина контора! Да я уверена – им сейчас просто нечем платить! Наверное, их банк лопнул! Так бы и сказали! Ох, я сейчас вся на нервах, а тут еще ты...

Таня извинилась и хотела повесить трубку. Но Ольга Григорьевна не считала, что разговор окончен. Конспиративно, намеками, она поинтересовалась, располагает ли Таня деньгами. Девушка честно ответила, какая сумма находится в ее распоряжении. И не забыла сказать о том, что у нее побывал Славка и занял денег. Ольга Григорьевна простонала:

– Ну, я ему вкачу... Какая там платная школа, девочка пойдет в обыкновенную! Ничего, сегодня он получит! Танюша, я даже не знаю, как тебе сказать... У нас сейчас вовсе нет денег. Ведь все было на нас – похороны, поминки... Ну, выложились подчистую, а счет в банке заблокирован. Мы отдадим, когда сумеем...

Таня слабым голосом ответила «конечно», и Ольга Григорьевна пообещала заехать вечером с мужем. Девушка положила трубку. «Конечно, я обязана дать им денег, – неуверенно подумала она. – Я живу в их квартире, ведь это они купили ее Стасу... И эти деньги – чьи они, если разобраться? Я из них ни доллара не заработала. Все принадлежало Стасу. А теперь кому? Всем поровну?» Ее небольшой капитал таял на глазах. Впервые она задумалась о том, что нужно позвонить на работу.

Когда случилось несчастье с мужем, у Тани был выходной день. А в понедельник она позвонила в книжный магазин, где работала продавцом, и сообщила, что ей требуется небольшой отпуск без содержания. Вопрос решился по телефону, и с удивительной легкостью. Тогда она об этом не задумалась. Но теперь Таня начинала понимать, что это значит. Если учесть, что настало время, когда увольняют даже самых лучших работников, она – первый кандидат на сокращение. Она снова потянулась к бару, но резко отдернула руку. «Если так пойдет, от меня останется развалина! Нельзя оставаться одной, надо срочно бежать из дома!» Она уже не думала о том, что может явиться свекровь. Тем хуже, если ее не застанут дома. Тем хуже для всех. Таня достала конверт с долларами и сунула его в сумочку. Причесалась, подрумянилась и решительно захлопнула за собой входную дверь.

...Ксения, казалось, ничуть не удивилась тому, что подруга так внезапно передумала. Она только упрекнула ее за промедление:

– Пока доллар повышается, а если б он упал? Какой тогда смысл продавать? Ну, ты готова? Сколько у тебя?

– Три тысячи.

Таня увидела, как на кухне, спиной к ней, ужинает муж Ксении. Тот слегка обернулся и с набитым ртом что-то промычал. Ксения перевела:

– Говорит – бегите скорее, девчонки.

– А он с нами не пойдет? – Таня все еще сомневалась. Законно ли то, что предложила Ксения? Валюту с рук покупать запрещено, но ведь это делают все...

– Пусть покушает спокойно. – Ксения прикрыла дверь в кухню и шепнула: – Злой, как черт. Одолжил одному мужику деньги в рублях, а тот сказал, что в рублях и вернет. Раньше отдавать не хотел, а сегодня прямо сует. Конечно, ему теперь выгодно. У тебя долгов нет? Самое время отдавать.

– Это мне должны, причем в долларах. – Таня нервно посмотрела на часы. – Ну, скорее, а то свекровь приедет...

Уже на улице Ксения уяснила, какую позицию заняли по отношению к Тане родственники. Она была возмущена:

– Не давай ты им ничего, пусть обломятся! Если будешь такой тютей, они тебя еще из квартиры выкинут! Между прочим, ты – самая главная наследница! А они все уже так, сбоку припека!

– Тебе хорошо говорить, ты живешь в своей квартире, – мрачно ответила Таня. И прибавила шагу – Ксения неслась как угорелая. Таня все еще волновалась – теперь она боялась, что может потерять деньги. «Но Ксюха никогда не ошибается, – уговаривала она себя. – И в любом случае плохого не посоветует».

Девушки познакомились шесть лет назад, в тот самый день, когда Таня впервые заночевала у Стаса. Она пришла к нему в гости без приглашения, ее уговорил знакомый парень. Он сказал, что его друг как раз отмечает день рождения, и нужно к нему заехать, поздравить. Таня отнекивалась – она не готова, не одета, не знакома, у нее нет подарка... Парень (теперь она не помнила даже его имени) попросил оставить эти церемонии, и она замолчала. Они купили водку, вино, конфеты и отправились на такси в отдаленный спальный район. А потом Таня битый час сидела в углу дивана и делала вид, что с великим интересом рассматривает старый журнал про автодело. Ее ни с кем не познакомили. Ею никто не заинтересовался. Она страшно жалела, что согласилась приехать, но теперь попала в капкан: денег на такси нет, в какой стороне метро, она не знает... Была середина ноября, и стемнело рано. Казалось, что за окном глубокая ночь.

– Привет!

Парень, который наклонился над ней, показался ей очень симпатичным и очень пьяным. Раньше она бы не поверила, что ей может понравиться такой пьяный мужчина. Но вот – понравился. И она внезапно перестала стесняться. Это его стесняться?! Когда он лыка не вяжет! Разговор у них получился довольно бессодержательный, зато долгий и душевный. Вскоре она поняла, что он и есть именинник.

– Я не понял, ты с кем пришла? – Стас с трудом закурил, и глаза у него совершенно остекленели. Однако говорил он вполне отчетливо.

Таня указала на своего приятеля, и хозяин неожиданно заметил:

– С этим мудаком? Ты что – его подруга?

– Просто знакомая, – сдержанно ответила она.

– Ты с ним уйдешь?

Таня пожала плечами. Пояснила, что могла бы уйти и без своего провожатого, но не знает даже, в какой стороне метро. Стас о чем-то задумался, а потом вдруг предложил:

– Я тебя отвезу. Пойдем. – И встал.

Тане не удалось внушить ему, что в таком состоянии за руль не садятся. Кроме того, получалось, что хозяин ее выставляет, не спросив ее желания. Но Стас явно уже не различал таких тонкостей. Он вывел на лестницу девушку, которая едва успела схватить сумку, а в лифте фамиллярно обнял ее за плечи и дружески заявил:

– Думаешь, разобьемся? Не разобьемся. Довезу, клянусь!

На улице уже девушка вела парня. На свежем воздухе его внезапно развезло, и он только смог указать свою машину. Таня едва дотащила его и усадила на водительское место. Она надеялась, что сейчас он отдышится, и тогда можно будет деликатно попрощаться и спросить, где находится метро. Но Стас, оказавшись за рулем, воспрял духом:

– Садись! Я в порядке, в полном! Поехали!

Она поняла, что сейчас он в самом деле уедет. И если она не сядет в машину – уедет один. Кто в таком случае сможет поддержать его, если Стасу станет плохо?! Таня обежала вокруг машины и уселась рядом с парнем. Захлопнула дверцу и начала молиться. Стас включил радио. Они отправились в путь.

Сперва все шло на удивление гладко. Она поняла, что Стас – водитель опытный, если даже в таком виде умудряется прилично вести машину. Но уже через пять минут все изменилось.

– С какой скоростью мы едем? – забеспокоилась девушка, увидев, как стремительно понеслись мимо дома и деревья.

Стас не ответил. Он почти упал грудью на руль, и она поняла – ему снова стало плохо.

– Стас, останови! – взмолилась она, хватая его за рукав. – Мы сейчас разобьемся! Останови, умоляю!

Он не реагировал. Глаза у него были открыты, но видел ли он перед собой хоть что-нибудь, Таня не знала. Машина проскочила мимо светофора, где упорно горел красный свет. На боковой улице девушка заметила патрульную машину. Таня уже не молилась. Ей стало настолько страшно, что все мысли куда-то исчезли. Захотелось визжать, цепляться за руль, открыть дверцу и выскочить...

– Стас, милиция... – рыдающим голосом сказала она. Это было все, что она смогла из себя выдавить.

И, как ни странно, эти простые слова вдруг подействовали. Скорость заметно упала. Она увидела, что Стас тормозит. В тот же миг их обогнала патрульная машина.

– О, черт... – невыразительно сказал парень. – Как же я напился... Это все Славка, подлюга... Послушай, как тебя...

Таня робко напомнила свое имя. Машина стояла, и она увидела, как к ним подходит патрульный.

– Тань, давай договоримся – ты не будешь впутываться. Я сам поговорю с ними. Ненавижу, когда говорят под руку...

Стас храбро открыл дверцу со своей стороны, сделал шаг навстречу патрульному и... упал. Так что Тане волей-неволей пришлось самой вести переговоры. Она постаралась взять на себя всю вину. Говорила, что это она уговорила хозяина машины подвезти ее до метро. Что даже подумать не могла, насколько он пьян. Что немедленно отведет его домой – пусть их только отпустят. Кончилось тем, что ей пришлось забираться к Стасу во все карманы пиджака в поисках денег. А потом, под наблюдением патрульного, она заперла машину. Милиционер даже помог ей привести в чувство Стаса. Он оттер ему уши и отхлестал по щекам. Стас открыл свои ясные честные глаза и сообщил, что сейчас сдохнет. Таня не знала, плакать ей или смеяться. Конечно, их оштрафовали. Но с другой стороны – они живы и здоровы.

Обратный путь они одолели на такси. Стаса еще хватило на то, чтобы указать водителю дорогу. А потом, уже в его квартире, Таня укладывала его в постель, снимала с него ботинки, галстук, пиджак... Ей помогала девушка с вытаращенными от возмущения черными глазами и экстравагантной прической. Это была Ксения – соседка и старая знакомая Стаса. Это она решительно разогнала вдрызг пьяных гостей и дала пощечину парню, удивительно похожему на Стаса.

– Куда ты смотрел, когда он садился за руль? – истерично кричала на него Ксения. – Сам же его напоил!

Парень, растирая щеку, заявил, что в няньки к Стасу не нанимался. Таня не знала, куда ей деваться, – остаться или уехать? И если бы ей тогда сказали, что сейчас ее окружают люди, среди которых она потом проживет шесть лет, а эта квартира станет ее родным домом, – она бы только рассмеялась.

Глава 2

Девушки остановились неподалеку от обменного пункта. Он располагался в помещении ювелирного магазина. Магазин был еще открыт, но особого ажиотажа у его дверей не наблюдалось. Народ явно не собирался скупать золото. Теперь и Ксения занервничала:

– Лучше бы найти другой пункт. Тут всегда стоит охранник... Наверное, «жучков» здесь нет. Ладно, подожди, я посмотрю.

Она исчезла в дверях магазина. Таня порылась в сумке и достала сигареты. Под руку попался пухлый белый конверт с деньгами. «Может, уйти, пока не поздно? – трусливо подумала она. – А если доллар не упадет? А если упадет, но перестанут продавать валюту? Куда же я тогда денусь со своими рублями?!» Внезапно она поймала себя на том, что вот уже почти час не думает о покойном муже. А ведь раньше и минуты не проходило, чтобы она не вспомнила Стаса. «Неужели начинаю забывать?» – подумала она. Таня не знала, огорчаться этому или радоваться. Конечно, так, как сейчас, жить невозможно. Но все забыть? Что же у нее тогда останется?

– Идем! – Из магазина выскочила Ксения. – Брось сигарету!

Оказывается, сама Ксения уже совершила обмен. Причем совершенно законно. Действительно, в магазине был охранник и «жучков» даже близко не оказалось, зато обменный пункт работал, курс в нем был выгодный, и рубли имелись. Ксения шепнула:

– Меняй пока тысячу. Алеша говорит – доллар может еще немного подскочить. Там видно будет. Если подскочит – еще поменяем завтра.

Таня достала деньги и сунула их в окошечко обменного пункта вместе с паспортом. Пока кассирша заносила данные в компьютер, Ксения встала так, чтобы загородить Таню от охранника.

– Справку заberi, – шепнула она. – Нечего ей тут валяться. И мою дай, чуть не забыла забрать! Вон, лежит сверху.

На полочке под окошком кассы, действительно, лежало несколько справок. На верхней были напечатаны данные Ксении – фамилия, имя, отчество... Таня взяла бумажку и, протягивая ее подруге, машинально вчиталась в то, что было напечатано на той справке, которая лежала под ней.

– Славка... – пробормотала она.

– Что? – Ксения в этот момент засовывала свою справку в сумочку.

Таня взяла бумажку с полочки. Снова и снова она перечитывала то, что было там напечатано. Бурханов Станислав Петрович. Паспорт серии...

Щелкнул выдвигаемый лоток. Но Таня не протянула руку, чтобы взять деньги, паспорт и справку, где было напечатано ее имя – Бурханова Татьяна Валерьевна. Ксения забеспокоилась:

– Посчитай деньги и пойдем. В чем дело?

Таня вдруг пришла в себя. Оттолкнула подругу, бросилась к двери, выскочила на улицу... Вечерняя толпа поредела. К остановке подошел троллейбус, мимо неслись машины. Сегодня их было на удивление немного – подорожал бензин. Она сделала шаг влево, шаг вправо... Куда бежать?! В руке у нее все еще была зажата справка. Справка, где значилось имя ее покойного мужа. Мужа, а не деверя, как ей показалось сначала. Это муж только что обменял деньги – продал шестьсот долларов. «У Славки столько и не было... – Таня застыла на месте, комкая в кулаке справку. – Он только что был здесь. Куда же он пошел?!» Она машинально вглядывалась в машины, несущиеся мимо и припаркованные у обочины. Машины Стаса среди них не было. Эта машина, обгоревшая, уродливая, никак не могла попасть сюда. А сам Стас...

– Ты что психанула?! – Ксения тронула ее за плечо. – Я забрала твои бабки. Открой сумку.

Таня повернулась к ней:

– Гляди!

И пока Ксения читала справку, девушка вглядывалась в ее лицо. Она хотела увидеть, как отреагирует подруга. Вскрикнет, поднимет брови, округлит глаза... А может, она ошиблась? Может, в справке стоит совсем другое имя? Ксения покачала головой и взмахнула бледно-зеленой бумажкой:

– Откуда ты это взяла?

– Что?! Да куда ты смотрела?! Это лежало на полочке, под твоей справкой! Он обменял деньги прямо перед тобой!

Ксения наконец забеспокоилась. Первым делом она сунула Тане в сумку паспорт с вложенными в него деньгами. Затем сложила вместе обе справки об обмене – свою и Танину и тщательно разорвала их. И только потом пугливым шепотом спросила:

– Нет, ну а серьезно, где ты взяла эту бумажку?

Зеленые клочки полетели по ветру. Ксения достала сигареты и чиркнула зажигалкой. У Тани дрожали губы, все происходящее казалось нереальным. Только что, десять минут назад, ей почудилось, что возвращается нормальная жизнь. Что можно все забыть или вспоминать как можно реже. Можно не повторять про себя одно и то же имя, не видеть перед собой одно и то же лицо, одни и те же глаза... Справка, которую она держала в руке, была реальностью. И в то же время – не могла ею быть. Это было безумие, но какое-то узаконенное, выданное кассиром в обменном пункте...

– Тут стоит сегодняшнее число... – прошептала Таня. – Взгляни. Я не сошла с ума.

И, только прочтя справку внимательнее, Ксения посерьезнела. Она взяла подругу под руку и отвела в сторонку, подальше от магазина.

– Это надо отнести в милицию, – тихо сказала она, шныряя взглядом по сторонам.

– Почему?

– Не поняла? Сюда кто-то явился со Стасовым паспортом. Паспорт при нем был?

Таня смотрела на подругу стеклянными глазами. Паспорт? Что могло сохраниться в том огне, где сгорел человек? Несколько металлических пуговиц, колпачок от авторучки, нательный крест... Она резко отвернулась и заставила себя дышать как можно глубже.

– Ой, ну прости, – уже другим тоном продолжала Ксения. – Конечно, ни черта там не осталось. Но ты понимаешь – паспорт ведь, значит, украли.

Она бросила сигарету и приказала Тане оставаться на месте. Девушка увидела, что Ксения поспешила обратно в ювелирный магазин. Вернулась она через минуту:

– Пошли, есть разговор.

Выяснилось, что кассирша не помнила человека, который обменивал валюту перед тем, как пришли девушки. Но две продавщицы, которые скучали за прилавками, и охранник, который скучал вместе с ними, этого клиента разглядели. Сама Таня не смогла бы преодолеть их нежелание говорить. Все трое сперва отнекивались, говоря, что не имеют права разглашать такую информацию. Человек менял валюту, мало ли что... Но Ксения была одновременно вежлива и настойчива:

– Понимаете, по справке этот человек – муж моей подруги. Таня, покажи свой паспорт и справку... Да Стасову справку, дубина... Так, видите? Она за ним замужем. Да только он умер неделю назад, и паспорта при нем не нашли! Понимаете теперь? Может, сюда убийца заходил! Мы вообще сейчас милицию вызовем.

Охранник с любопытством просмотрел паспорт и отдал его продавщицам. Все трое зачем-то поочередно просмотрели Танины документы, и наконец одна из продавщиц неохотно признала:

– Я его видела, такой заметный брюнет.

– Брюнет? – усмехнулась Ксения. – Тань, слышишь? Стас – брюнет! А дальше-то что? Какой он из себя? Русский?

Продавщицы не стали бы утверждать, что мужчина был русским. Они видели его на расстоянии десяти шагов. Обе сошлись на том, что он был брюнетом, ростом приблизительно с Мишу-охранника, в светлом пиджаке и темных брюках. Эти детали они уже вспоминали с трудом и не ручались за точность. Миша-охранник глубоко задумался и наконец спросил:

– Он что – придурок? Зачем же он сюда пришел? Прописку-то в паспорте мог посмотреть. Кассирша вашего мужа могла знать в лицо...

Ксения шепнула подруге, что парень-то оказался не таким уж дураком. Охранник тем временем постучался в дверь кабинки, где сидела кассирша, и коротко с нею побеседовал. Женщина резко ответила, что фотографию в паспорте не смотрела и с клиентом ее не сличала. Если она еще будет каждый паспорт насквозь просматривать... Она как раз занималась очередным клиентом, и ей было не до разговоров. Девушки переглянулись.

– Что ж, вызываем милицию, – решительно сказала Ксения. – Только...

Она шепотом заметила Тане, что им лучше заскочить домой и припрятать деньги. С милицией лучше разговаривать, не имея при себе таких сумм.

Таня была очень благодарна подруге за то, что та все взяла на себя и сама позвонила в местное отделение милиции. Мало того – Ксения и мужа привлекла к этому делу. Уже через полчаса Алеша сидел на кухне у Тани, допивал остатки виски, которые ему предложила хозяйка, и рассуждал на тему человеческой наглости.

– Ну, я понимаю, что паспорт могли украсть, – рассудительно говорил он. – Но, действительно, прописку, прописку-то они могли посмотреть, сволочи? Явились прямо Таньке под нос, да еще деньги меняли. Тань, при Стасике были деньги? Валюта была?

Девушка пожимала плечами. Она, действительно, понятия не имела, какие вещи и документы были в тот день при муже.

– Он ехал на дачу, зачем ему там валюта, – заметила Ксения. – Послушай, Леша, а ведь Таньку нельзя сейчас оставлять одну. Я-то думала, там был просто несчастный случай. А если мужа убили, то могут и за нее приняться?

Алеша согласился, что такой вариант возможен. И в который раз Таня услышала вопрос – были ли у Стаса враги? Кредиторы? Недоброжелатели? И в который раз ответила, что ничего не знает. Разве муж не посвящал ее в свои дела? Выходит, нет. Алеша выслушал ее и призадумался.

– Ну вот что, – решительно сказал он наконец. – Ты, Татка, сегодня одна ночевать не будешь. Идем к нам.

– Нет, правда! – поддержала его жена. – Идем! Ляжешь с мамой!

Супруги жили в двухкомнатной квартире, принадлежавшей матери Ксении. Таня представила себе реакцию этой дамы, женщины независимой и деловитой. Вряд ли та очень обрадуется, если к ней в комнату поделят соседку. Нет, конечно, ее никто не выгонит, но кому охота быть нежеланным гостем...

– Я лучше останусь дома, – мягко ответила она. – В случае чего, я вам просто позвоню.

Супруги переглянулись. Ксения фыркнула:

– Как знаешь. Главное, чтобы завтра было кому написать заявление. И наши менты тоже хороши – нет, чтобы приехать! Им, видите ли, лень... Короче, Тань, никому не открывай. А завтра прямо с утра идешь и несешь эту справку в наше отделение.

– Хорошо, хорошо. – Таня уже не знала, как избавиться от этой назойливой опеки. – Уж если со мной до сих пор ничего не случилось, то и сегодня ночью не случится. Кому я нужна?

Уже давно ей не приходилось так долго общаться с людьми. Стоило уйти соседям, как приехала Ольга Григорьевна с мужем. Таня видела их в дверной «глазок», но не открыла. Она стояла под дверью и, затаив дыхание, слушала длинные звонки. Ей не хотелось объяснять,

почему она переменяла свое решение дать им денег в долг. Возможно, она и сама этого не знала. Но каждый длинный звонок, эхом разносившийся по квартире, убеждал ее в одном – открывать не стоит. «Всю эту неделю они обо мне ни разу не вспомнили, – думала она, прислонившись к дверному косяку. Из щелей слабо, но ощутимо дуло, и плечо постепенно немело от сквозняка. – С тех пор, как Стаса похоронили, с тех пор, как были поминки... Ни одного звонка. Ни одного визита. Их не интересовало, как я тут живу, да и живу ли вообще? Если бы я и впрямь выкинулась с балкона – они бы узнали об этом последними. Никому не было дела до меня. Но стоило коснуться денег... Славка сразу приехал. А теперь и они...»

Звонки прекратились. Таня ясно слышала, как свекровь выговаривает мужу за то, что он не мог приехать из банка пораньше.

– Ну, и где она теперь? – раздраженно говорила Ольга Григорьевна. – Погоди, может быть, у Ксении...

Свекор что-то невнятно ответил. Таня услышала, как хлопает тамбурная дверь. В «глазке» теперь никого не было – только кипы бесплатных газет «Экстра-М», сложенных у стены напротив. Соседи укладывали здесь газеты из года в год, и Стас неоднократно с ними ругался из-за этого. «Если будет пожар – мы все изжаримся, как утки! – говорил он после очередной перепалки. – И все это топливо лежит прямо против нашей двери!» Таня вспомнила его слова, и ей стало жутко. «Он всегда боялся пожара и перед сном несколько раз проверял, выключен ли газ, погашены ли окурки в пепельнице... Неужели человек может предугадать, какой смертью умрет? А я боюсь высоты... Так может, не сопротивляться судьбе? Открыть балкон и шагнуть...»

Таня отпрянула от двери. На площадке раздались громкие голоса, и мгновение спустя звонки в ее дверь возобновились с прежней регулярностью. Она слышала взволнованный голос Ксении:

– Только что была дома. Таня! Таня!

Ксения несколько раз ударила в дверь то ли ногой, то ли кулаком и продолжала нажимать на звонок. Ее голос звучал все громче и истеричнее – она легко заводилась:

– А может, Татка что-то с собой сделала?! Только что была в полном порядке. А может...

Внезапно Ксения перешла на шепот. Таня уже ничего не слышала. За ее дверью перешептывались люди, и это ее пугало сильнее, чем крики. Но что-то мешало ей откликнуться, успокоить их. «Они уже бог знает что напридумывали, – уговаривала она себя. – Скажи хотя бы, что спала, что плохо себя чувствуешь, что не хочешь отпирать... Тогда они уйдут. И в конце концов, почему ты прячешься от свекрови? Ты не обязана давать ей деньги. Это тоже можно сказать прямым текстом, и Ксения меня поддержит...» Но она не могла заставить себя подать голос, повернуть ключ, нажать дверную ручку...

– Бог знает что, – взволнованно произнесла свекровь. – Ты говоришь, паспорт Стаса? Ксюша, но ты уверена?

– Лично видела справку! – Ксения еще раз позвонила. – Что же делать? А может, там бандиты?

И тут Таня услышала спокойный голос свекра. Этот немногословный, всегда как будто немного заторможенный человек заявил:

– Ну, хватит. Значит, она просто куда-то вышла. Оля, поехали. Позвонишь ей вечером.

Таня услышала, как возражает свекровь. Как Ксения дает клятвенное обещание через десять минут снова сюда зайти, а если понадобится – то и не один раз. Наконец шаги и голоса удалились. В тамбуре хлопнула дверь и стало тихо.

– Сумасшедшая, – пробормотала Таня, имея в виду себя. – Уже от людей шарахаешься. Что они тебе плохого сделали?

На улице было пасмурно, и тучи приобрели синеватый, грозовой оттенок. Таня протянула руку к выключателю, но не решилась включить свет. Если свекровь увидит с улицы, что

на кухне горит лампа, то вернется, и придется оправдываться. Девушка поставила на плиту чайник и уселась за стол, уронив голову на скрещенные руки. Все эти дни самым страшным было ощущение пустоты. Когда Таня напивалась, ей удавалось уснуть или заплакать – и это немного помогало. Но сейчас еще хуже, чем всегда. Можно было снять телефонную трубку, открыть записную книжку и звонить всем подряд – бывшим сокурсникам, друзьям, продавцам из книжного магазина... Когда человек в таком горе, его, как правило, не отталкивают, а выслушивают, даже если нет ни настроения, ни времени...

И как будто услышав ее мысли, зазвонил телефон. Девушка вяло, машинально встала, прошла в прихожую, сняла трубку и сказала «алло». Ей и в голову не приходило, что могли звонить свекровь или Ксения. Но голос был мужской. Буднично и как будто устало он произнес:

– Позови мужа.

– А его нет, – автоматически ответила девушка.

– А когда будет? – все в том же усталом регистре спросил мужчина. – Он тебе не сказал?

Мужчина обращался на «ты», и это ей не понравилось. С какой стати? Или они знакомы?

Таня собралась с мыслями и резко заявила:

– Вообще-то, он умер. Еще неделю назад.

И тут она услышала такие выражения, что сразу бросила трубку. Сердце заколотилось быстрее, к щекам прилила кровь. «Какое хамство. – Таня чуть не плакала и прижимала трубку рукой, как будто это могло помешать телефону зазвонить снова. – Я же ему человеческим языком сказала – Стас умер. Какого черта он на меня сорвался?!» Она ждала несколько минут. Девушка твердо решила – если этот хам позвонит еще раз, она скажет, что телефон прослушивает милиция, потому что ее мужа убили. «Хотя вряд ли он испугается, ведь он же ничего угрожающего не сказал, просто матерился...» Но телефон больше не звонил.

Таня выпила чая в полутемной кухне. Света она все еще не зажигала, хотя свекрови явно и близко не было. Глаза понемногу привыкли к сумеркам, и ей уже казалось, что так существовать намного легче. При свете все слишком определенно, чересчур тоскливо... А в сумерках можно многое себе вообразить. Она закрыла глаза и в который раз представила себе, что все осталось по-прежнему. Через полчаса, через час Стас вернется домой, весело, отрывисто позвонит, предупреждая ее о своем возвращении, а потом она услышит, как в замке щелкает ключ...

И она услышала звонок в дверь. Открыла глаза, чиркнула зажигалкой и осветила циферблат наручных часов. Без пятнадцати десять. Ксения не очень-то торопилась, а ведь обещала прийти через десять минут. «Если начнет трезвонить как оглашенная, я открою и скажу, чтобы убиралась, – решила Таня. – Только что мне было так хорошо! Сегодня я вообще не буду зажигать света!»

Но звонок не повторился. Зато она услышала звук, от которого почти успела отвыкнуть. В дверном замке щелкал ключ. Один поворот, другой, третий... Потом щелкнул нижний замок – немного потише. Над открытой форточкой вздулась занавеска, по ногам потянуло сквозняком, – это открылась входная дверь. Таня сидела за столом, будто каменная. С того места, где стоял ее стул, коридор не просматривался. Она видела только стену напротив, стену, на которой чернел овальный жостовский поднос – подарок ее матери к свадьбе. Занавеска втянулась в проем форточки, а потом повисла неподвижно. Кто-то закрыл входную дверь, и слабо щелкнул язычок нижнего замка. Таня услышала шаги – сперва отчетливо, потом все глуше, – кто-то вошел в комнату. Там слегка поскрипывал паркет. Затем раздался глухой звук, будто выдвинули и задвинули ящик. Какой-то шорох. Шаги – все ближе, ближе, уже в прихожей...

Таня вскочила. Горло как будто ремнем перехватили, но она попыталась выдать из себя хоть какой-то звук, хоть какое-то подобие речи... Ничего не получалось – все было как в дурном сне, как в кошмаре, когда чудовище приближается и нужно звать на помощь – а губы отказываются разомкнуться. Шаги опять удалились – на этот раз в другую комнату. Девушка

стояла, схватившись за спинку стула и чувствуя, как мелко-мелко и очень быстро дрожит правое колено. Ей казалось – достаточно одного движения, одного слова, и все изменится, вспыхнет свет, он войдет, обо всем расскажет, все объяснит...

Шаги в прихожей – быстрые, уверенные, щелканье нижнего замка, взмах занавески, темнота, тишина, безумие.

Колено дрожало так, что ей пришлось опираться обо все предметы, которые попадались по пути. Первым делом Таня добрела до выключателей в коридоре и включила свет везде, где смогла. Кухня, прихожая, ванная, туалет. Потом зажгла свет в обеих комнатах. Все вещи глядели на свою хозяйку невинно и как будто вопросительно. Все было на своих местах. В комнатах ровным счетом ничего не изменилось.

«Дверь, – подумала она. – Надо проверить дверь. Если я сошла с ума – значит, так тому и быть. Но ключи у него были, я слышала, как они звенят». Таня на подгибающихся ногах подошла к двери, нажала ручку... Дверь легко приоткрылась. И девушка почувствовала некоторое облегчение. Значит, это все-таки был не бред. Значит, здесь кто-то побывал! Возле входной двери, на специально прибитом крючке, висела ее собственная связка ключей. Таня сняла ее и заперла дверь – на все замки. Потом накинула цепочку и посмотрела в «глазок». Тамбур, тоскливо освещенный лампой дневного света, был пуст.

Девушка сделала несколько шагов и остановилась на пороге комнаты. На диване лежал синий плащ – и она уже не могла смотреть ни на что другое. «Я упустила его», – подумала Таня. И сама себе удивилась. Несколько минут назад она умирала от страха, от одной мысли, что сейчас ее обнаружат в темной кухне... Ее трясло как в лихорадке от одного звука тех быстрых, уверенных шагов. Но теперь дрожь прошла. Во всей квартире горел свет, и она видела, что осталась совершенно одна. Железная дверь заперта. Стоит набрать номер Ксении, и та прибежит на помощь вместе с мужем. Ей невероятно повезло, что ее не обнаружили, – да, наверное, повезло... Неизвестно, с кем бы ей пришлось столкнуться в темной кухне... Так откуда же это сожаление? Она поздравила себя с тем, что устояла на ногах. Если вспомнить, как она сегодня упала в обморок перед Славкой, – это уже большое достижение. Если вспомнить, как ей показалось, что на кухне стоит муж...

И тут ее прорвало. Таня вскрикнула высоким, неестественным голосом и снова бросилась к двери. Отпирая замки – один за другим, – она уже в голос рыдала. Выскочила в тамбур, на площадку к лифтам, на запасную лестницу... Мертвый свет длинных белых ламп, разбитое окно, окурки возле мусоропровода, слабый запах гари...

– Нет его, нет... – шептала она, даже не пытаясь вытереть слезы. – Зачем же ты меня мучаешь?! Почему не уйдешь совсем?!

Она знала, что таких слов говорить нельзя. Что, произнося их, она принимает новые правила игры. Меняет реальность на безумие, отчаяние – на надежду. Потому что надеяться на его возвращение – чистой воды безумие. Но Таня шептала одно и то же, прижавшись к стене на запасной лестнице, глядя вверх, туда, где в окне от ветра дрожало и позвякивало стекло. Она больше не могла терпеть, не могла уговаривать себя жить нормальной жизнью – тоскливой и размеренной. Сидя в темной кухне, слушая шаги, она в полной мере испытала тот ужас и то счастье, которые до этого испытывала только в мечтах. Он должен был вернуться – хотя бы на минуту! Он вернулся – потому что и ему не может быть покоя, если здесь его так ждут!

– О господи! – закричала она и ударила кулаком в стену. – Да где же ты?!

В наступившей затем тишине она услышала, как в шахте поднимается лифт. Короткое звяканье – и послышался шум раздвигающихся дверей. Шарканье домашних тапочек, хлопанье тамбурной двери... И голос Ксении, которая громко и возмущенно что-то говорила в тамбуре. Таня с трудом отлепилась от стены и вытерла слезы.

– Ну, ты только никому такого не скажешь, договорились? – почти испуганно перебила ее рассказ подруга. – Насчет ключей – это все ужасно. Но если ты кому-то скажешь, что приходил Стас, – тебя увезут в дурку, ты понимаешь?

Девушки сидели на кухне. Таня тщательно заперла дверь, а Ксения так же тщательно за этим проследила. Она была возмущена, что Таня так легкомысленно покидает квартиру, оставляя дверь настежь. Ксения выслушала рассказ о том, что только что произошло, и, судя по выражению лица, поверила. Но истолковала все куда проще и страшнее.

– Пойми, Татка, что и ключи у Стаса украли! – Ксения от волнения выдернула из прически гребень и принялась расшатывать его зубья. – Кто, по-твоему, сегодня предъявлял паспорт в обменном пункте? Призрак, что ли? Тебе же его описали – высокий брюнет в светлом пиджаке. Очень похож на Стаса, не находишь?! – Она иронично фыркнула. – Так вот, и ключи у этого брюнета, скорее всего. Если их не целая банда.

– Ксень, но ты бы слышала, он так уверенно ходил по квартире... – растерянno возразила Таня. Она не слишком защищала свою версию. Теперь, при ярком электрическом свете, в обществе подруги, все и в самом деле сделалось как-то проще и приземленнее.

– Значит, он бывал тут! Мало ли народу у вас терлось! – жестко ответила Ксения. – И этот тип знал, что ему надо! А что он унес?

Таня пожала плечами. Уже при Ксении она более тщательно осмотрела обе комнаты. Но по-прежнему не видела, что тут изменилось.

– Ох, ну как же тебе повезло, что он на кухню не зашел! – простонала Ксения. – Боюсь, я бы тебя уже живой не увидела! Да очнись ты, бога ради! Ну, сходи в церковь, поставь свечку, если хочешь! Только это был не Стас!

– Я знаю. – Таня вытащила из пачки сигарету и жадно закурила. – Ксюша, я все знаю, но, если это был вор, – что он украл?

Ксения задумалась. Потом пожелала знать, были ли еще у кого-нибудь ключи от этой квартиры. Таня предъявила ей свою связку, а также запасные ключи, которые хранились в одном из ящиков письменного стола.

– А ключи Стаса сгорели в машине, – пояснила она. – Больше связок не было, кажется.

– «Кажется»... – передразнила Ксения. – Вообще-то, ключи не горят. Их должны были найти и тебе отдать. А если не отдали – значит, их там и не было. Слушай, тебе просто необходимо поговорить со следователем. К тебе уже бандиты на дом приходят. Давай, бери зубную щетку и пошли ночевать к нам.

На этот раз Тане не удалось отвертеться. Она выпила предложенную Алешей водку, умылась и уснула на старой, но очень мягкой кровати, где когда-то спала покойная бабушка Ксении. Но никакие призраки ее сон не нарушали.

С самим следователем ей встретиться не удалось. Она просидела в коридоре следственного управления половину дня, пока ее не принял помощник следователя. Волнуясь, с запинками, Таня рассказала о том, что произошло за последние сутки.

– Справку из обменного пункта вы принесли? – спросил ее парень, совсем молодой, почти ее ровесник.

Таня не испытывала к нему особого доверия и предпочла бы говорить с кем-нибудь постарше. Но справку все же отдала.

Парень прочел справку и задумался. Таня робко напомнила, что до сих пор не знает, при каких обстоятельствах погиб ее муж. Что, в конце концов, случилось в тот день за городом, на проселочной дороге? Почему загорелась машина? Как вдова, она имеет право это знать!

– Дело заведено, – уклончиво ответил парень. – Лучше бы вам поговорить с самим Каримовым, это ваш следователь. А я могу принять от вас только заявление. Будете писать?

Таня примостилась сбоку от стола и с трудом исписала полтора листа серой бумаги. Она постоянно останавливала себя, ловила на том, что уходит в сторону от дела. Какие детали важны для следствия? Писать или нет о том, что шаги, которые вчера раздавались в темной квартире, показались ей знакомыми? Да что там показались – она их узнала сразу! Она вспомнила предостережение Ксении – об этом не говорить ни при каких обстоятельствах. Никто не будет разбираться с бредом сумасшедшей. Таня ограничилась тем, что описала происшествие в обменном пункте, звонок по телефону, а затем – этот пугающий визит. Помощник следователя (Таня все больше опасалась, что это просто практикант) взял ее заявление и прочел. Несколько раз он усмехался, особенно дочитывая последние строки. Таня забеспокоилась:

– Что-то не так?

– Вы пишете, что в квартире было темно, что ж он свет не включил?

Она пожала плечами. Что тут скажешь... Если человек чувствует себя в квартире как дома и не собирается читать газету, то зачем включать свет? Ведь еще не окончательно стемнело. Парень смотрел на нее с любопытством. Таня вспыхнула:

– Я все написала, как было. Ничего не выдумала. Вы лучше скажите, что мне делать? Пока вы его поймаете, он сто раз еще придет. Где мне жить?

Она нарочно заговорила деловито, почти грубо. Больше всего она боялась, что ей не поверят. Решат, что вдова слегка повредила в уме, – стоит ли обращать внимание?

– Поживите у родителей, – предложил помощник следователя.

– Они в Калининграде, не могу же я туда уехать.

– А почему не можете?

Таня объяснила, что пока ее никто с работы не увольнял.

– А вы работаете? – как будто удивился парень. – Муж занимался бизнесом, вам что – не хватало?

Таня опять пожала плечами. Зачем она будет распинаться перед этим нагловатым молодым человеком? Объяснять, что по натуре она не домохозяйка? Что зарплата у нее была небольшая, но зато это – собственные деньги, и она почти все отсылала родителям? Что работу в книжном магазине она нашла сама, и Стас ни словом не возразил, а даже как будто обрадовался? И наконец, что ей было стыдно так явно сесть ему на шею, что эта работа – единственный козырь против всех обвинений, которые могли бы ей предъявить родственники мужа?

– Хватало, – только и ответила она.

Еще помощник следователя спросил ее только о том, не пропало ли что-нибудь из квартиры. Но Таня это отрицала. Все, что можно было украсть – деньги, ценности, техника, – осталось на месте.

– Ну, так может, вам просто показалось? – настойчиво спросил парень. – Вас не тронули, ничего не взяли, и вы даже не видели, заходил кто-то или нет. Верно?

– Я слышала! – Таня встала, перебросила через плечо ремень сумки. – Ну а звонок по телефону?

– Вам что – никогда по телефону не грубили?

Ей пришлось признать, что грубили. И конечно, особо удивляться нечему. Среди знакомых мужа могли попасться самые разные люди... Получается, что и об этом она написала зря? Что же тогда остается от ее заявления?

– А вот справка из обменного пункта – это серьезно, – подвел итог помощник следователя. – Мы ею займемся. А вы пока будьте поосторожнее. Поменяйте замки, что ли. Никому не открывайте. Или заведите собаку. Вот моя овчарка, если кто-то просто подходит к двери... – отвлекся было он.

– До свидания.

Таня уже шла к двери. Ее вернули, чтобы отметить пропуск. Она старалась сохранять каменное выражение лица. «Надо вести себя как можно спокойнее, – уговаривала она себя. –

Пусть они издеваются, пусть не верят. Я написала заявление, и им все равно придется разбираться по всем пунктам».

Едва оказавшись на улице, она зашла в первое попавшееся кафе. Из алкогольных напитков там оказалась одна водка. Таня лихо опрокинула стопочку и почувствовала привычное облегчение. Мелькнула издевательская мысль: «А если те шаги в темноте мне просто помешались спать? Ведь за день я выпила немало!» Она достала из сумки кошелек, открыла его, пересчитала деньги. Вся сумма, вырученная вчера от продажи валюты, оказалась на месте. Таня так и не успела переложить ее в другое место, даже не подумала об этом. Сумка валялась на диване, рядом с плащом Стаса... Она была на самом виду. Только вор-недоумок мог не понять, что в сумке обычно находится кошелек, а в кошельке – деньги. Если за ней следили в обменном пункте и решили ограбить – первым делом схватили бы сумку, с которой она была в ювелирном магазине. Однако до нее никто не дотронулся.

Таня расплатилась с барменшей и вышла на улицу, застегивая куртку. С трудом закурила на ветру, щуря ненакрашенные ресницы. Вся косметика осталась дома, а к следователю она отправилась прямо от Ксении. «Это был не вор и не бандит – я уверена. Но зачем же он приходил?»

Она сразу отказалась от мысли, поданной помощником следователя, – переехать или поменять замки. Переезжать ей некуда. А среди трех замков на двери один невозможно открыть снаружи, если его заперли изнутри. Вчерашний визитер только потому и попал в квартиру, что Таня заперла дверь на два простых замка. «Если он придет еще раз, я попробую увидеть его. – Девушка подошла к бровке тротуара и подняла руку, останавливая машину. – А вообще, все это смешно. Почему он не зажег свет? Если это был призрак, то свет ему не нужен. Хотя и ключи ему тоже не нужны». Она пыталась шутить над собой, над своими вчерашними глупыми фантазиями. Но, уже усевшись в машину и назвав свой адрес, она начала волноваться. А войдя в подъезд и нажав кнопку вызова лифта, Таня струсила всерьез. За ночь и за сегодняшний день в квартире мог побывать кто угодно... А если он и сейчас там?

Но все осталось по-прежнему. На кухне на столе – пепельница с окурками ее сигарет. В комнатах – относительный порядок, насколько это возможно, если давно не делать уборку. На диване валяется синий плащ... Таня подняла его и задумалась. А потом решительно отправилась в коридор и вытащила с антресолей две большие дорожные сумки.

– Все так все! – И в качестве почина, девушка аккуратно уложила на дно одной из сумок плащ. – Вот кто-то обрадуется!

Туда же, на дно сумки, она положила куртку Стаса. Завернула в пакеты все его ботинки, вынесла из ванной бритвенные принадлежности, даже полотенца, которыми он вытирался в последний раз. Все это она тщательно упаковывала и укладывала в сумку. С трудом задержала «молнию» и открыла шкаф. Его свитера, майки и рубашки, его брюки и пиджаки... Она укладывала вещи с каким-то остервенением и сама не знала, на кого злится. На него? За то, что умер? На себя? За то, что ее бросил? «Ну да, он все равно что бросил меня. – Таня застегнула сумку и выпрямилась. – Ладно, пусть теперь всем этим попользуется кто-то другой. Только не его отец. И не Славка. Не желаю знать этого человека. Не желаю еще раз увидеть эти вещи на ком-то. Ведь сколько я с ними всегда возилась – гладила, стирала, носила в химчистку! Я ведь каждую тряпку сразу узнаю... Вот, например, голубой свитер...»

Таня нахмурилась. Голубой свитер? Разве она его укладывала? Начался вечный психоз, который охватывал ее перед дорогой, – она сомневалась, положила ли зубную щетку, косметичку, белье... Со вздохом она заглянула в шкаф. Он опустел больше чем наполовину. Все оставшиеся вещи – лежащие на полках и висевшие на плечиках – принадлежали ей. Голубой свитер с желтыми полосками – дорогой свитер из «Гленфильда» – сразу был бы виден среди этих вещей. Сама Таня предпочитала красный, серый и белый цвета. Она расстегнула сперва

одну сумку, потом другую. Свитера нигде не оказалось. Но в тот день, отправляясь к родителям на дачу, Стас надел спортивный костюм. В нем он и был, когда все случилось...

Через полчаса Таня обнаружила отсутствие еще некоторых вещей. Теперь она тщательно перерыла все шкафы и сумки. В комнате все было вверх дном. Она уже не знала, что и подумать. Кроме голубого свитера, новехонького, купленного незадолго до гибели мужа, пропал его серый костюм, самый дорогой, несколько рубашек (она выстирала и погладила их приблизительно месяц назад и с тех пор не видела). Два галстука, в том числе его любимый. Таня сбегала в ванную и заглянула в стиральную машину. Ни одной из исчезнувших вещей там не обнаружилось. «Это очень странно... – Она захлопнула дверцу машины и уселась на бортик ванны. – Куда все делось? Может, он дал Славке поносить?» Но это было не похоже на правду. Стас любил хорошо одеться и ревностно относился к своим вещам. Как-то она нацепила его свитер, чтобы сбегать в булочную. Просто ничего другого под руку не попало. Стас закатил сцену – у нее что, своих свитеров нет?! А потом, извинившись, добавил, что не любит, когда у него что-то берут без спросу. И объяснил, что в детстве натерпелся от старшего брата, – ему пришлось все донашивать за Славкой. С тех пор он ненавидит, когда кто-то трогает его вещи. Сам никому не даст и ни за что не наденет после кого-то.

Таня вгляделась в свое отражение в зеркале ванной. Вполне нормальное лицо. Не сошла же она, в самом деле, с ума? Если вещей нет, значит, их кто-то унес. Сам Стас или кто-то другой... Она прошла к телефону и набрала номер Славки. Его дома не оказалось, и Таня поговорила с его женой Ларисой. Через минуту она точно знала – ни голубого свитера, ни других вещей Стаса Славка домой не приносил. Лариса сперва даже не поняла, о чем идет речь. А потом отрезала:

– Ну не настолько уж у нас плохи дела.

Таня извинилась и повесила трубку. «Смешно – ведь это Стас всю жизнь донашивал за Славкой. А обижается Славкина жена. У кого же тогда вещи?» Этот вопрос волновал ее все больше. Не потому, что ей было жалко, – она все равно собиралась позвонить в какую-нибудь благотворительную организацию и сказать, чтобы эти вещи у нее забрали и роздали погорельцам. Вчерашний совет Ксении – пойти в церковь и поставить свечку за упокой мужниной души – тоже не выходил у нее из головы. Но ведь вещи пропали... Кто-то вынес их из дома. Сам Стас? Но зачем? Чего ради?

Вчера, поздно вечером, она говорила по телефону с Ольгой Григорьевной. Ее заставила позвонить Ксения, мотивируя это тем, что свекровь просто из себя выходила. Разговор был недолгий и не очень приятный. Таня сказала, что была весь вечер дома, но не открывала, потому что мылась. И что очень сожалеет, но денег одолжить не может – ее вот-вот выгонят с работы. Свекровь сухо ответила, что извиняться не стоит. Время такое – кто может, тот выживает в одиночку. В такой поздний час она наверняка была дома, но Тане не хотелось ей звонить. Пересилив себя, девушка все же набрала знакомый номер. Ольга Григорьевна тоже не поняла, о чем идет речь:

– Вещи? Голубой свитер? Ничего не оставлял... Танечка, ты не по адресу обращаешься.

Таня уцепилась даже не за намек – за тень намека, проскользнувшую в голосе свекрови:

– А по какому адресу надо обращаться?

– Ну не знаю, кому он мог все это отдать... Славку спроси.

– У него нет.

Свекровь больше не скрывала своих чувств. Все еще вежливо, но уже раздраженно она попросила дать ей возможность приготовить ужин. У нее все выкипает. Пусть Таня позвонит позже, если ей будет одиноко. Трубку Ольга Григорьевна повесила первой. Но Таня даже не обиделась. Ни о каких теплых отношениях уже и речи не шло. Впервые в жизни она в чем-то отказала свекрови. И это сразу дало результат. «Славка хорошо ко мне относится, но если

бы я не дала ему денег? – Таня усмехнулась. – Неужели все такие, неужели я всем им стою поперек горла?»

Так или иначе, она узнала то, что хотела. Вещей Стаса у его родных не оказалось. Конечно, в Москве жили еще какие-то родственники мужа – точнее, все они в Москве и жили. С одними Таня была даже не знакома, с другими – виделась раз или два. Стал бы ее муж отвозить к ним все свои самые лучшие, дорогие и новые вещи? Конечно, нет. Зачем ему это нужно? С тех пор как они поженились, Стас ни одной ночи не провел вне дома, если не считать командировок. Но за последний месяц он ни в какие командировки не ездил. И значит, вещей из дома не выносил.

В дверь позвонили. Подкравшись к «глазку», Таня с облегчением увидела в тамбуре Ксению. Та нетерпеливо переминалась с ноги на ногу и тоже пыталась заглянуть в «глазок».

– Татка, корова, я знаю, что ты дома, – нервно сказала подруга. – Может, хватит ломать комедию?

Оказалось, что подруга пришла звать Таню на новые подвиги. Курс доллара со вчерашнего дня снова повысился. Сперва Ксения выругала Алешу за то, что он их поторопил с продажей долларов. Потом высказалась, что такой крутой подъем будет недолгим и все равно надо торопиться.

– Пойдем, сегодня можно продать по девятнадцать рублей! – с воодушевлением закончила она. – А чем это ты занимаешься, мать?

Она только сейчас осознала, какой беспорядок в комнате, где ее приняла хозяйка.

– Постой, ты что, уезжаешь? – Ксения заглянула в разворошенные сумки.

– Это вещи Стаса. Послушай... – Таня слегка замялась, а потом поведала подруге свои сомнения.

Та отреагировала как-то странно – отвела глаза, потом достала сигареты... И вообще, делала вид, что рассказ ее не интересует. Таня даже обиделась:

– Ну что, скажешь, я опять с ума схожу? Но вещи-то пропали! Черт возьми, да почему на вас такие доказательства не действуют!

– На кого – на нас? – как-то скованно переспросила Ксения.

Таня в сердцах рассказала и про помощника следователя. Сказала, что, как видно, никто ей не поможет, всех она или смешит, или раздражает. И что хотя бы Ксения могла быть человеком. Пусть она честно скажет – разве пропажа вещей ничего не значит?

– Ну значит, – внезапно созналась Ксения. – Раз уж ты сама об этом заговорила, я думала, ты уж догадалась.

– О чем?... – Тане вдруг стало нехорошо. Она ясно видела – подруга хочет что-то сообщить, но ей ужасно неохота это делать. – Что ты знаешь?..

– Ну ты сама подумай, если мужик выносит из дома свои вещи, – что это значит? – Ксения встала, чтобы взять себе пепельницу. – Не догадываешься? Курица ты, Танька. У него кто-то был. И вещи у этой стервы, я думаю. Ну как это обычно бывает... Чтобы было, во что переодеться утром.

Таня задохнулась от негодования:

– Ты уверена или просто так свистишь?! Он ни одной ночи... Он всегда ночевал здесь!

– Ой, да ну хватит, – Ксения поморщилась. – Хорошо, тогда я еще кое-что скажу. Я лично видела его в городе! Он сидел в своей машине с какой-то женщиной и почти что с ней целовался. Хватит тебе?

– Дура! – У Тани выступили злые слезы. – Ты вечно про него сплетничала, с самого начала!

– Да тьфу на тебя! – У Ксении тоже заблестели глаза. – Мне просто жалко тебя стало! А та гадина его точно охмуряла, это за сто метров было видно! Причем уже не девчонка, средних лет баба. И липла к твоему мужику как бешеная!

А потом они открыли бар и, устроившись рядышком на диване, молча выпили по рюмке коньяка. Оказалось, что и Ксении был знаком этот древний способ утешения.

Глава 3

На следующий день Тане позвонил следователь. Она попросила о встрече, и, как оказалось, не зря. На этот раз Тане удалось узнать много нового. Она выслушала рассказ о гибели мужа, не моргнув глазом. Еще несколько дней назад такое хладнокровие было бы невозможно. Но теперь... Таня жадно ловила детали, сопоставляла несурзности... И все больше убеждалась – ее догадка может оказаться верной. Она должна оказаться верной, иначе все остальное – просто бред.

Каримов рассказал ей много интересного. Это был приветливый, пожилой узбек с тонкими, даже изысканными чертами лица. Он выбирал выражения, чтобы не ранить вдову неосторожным словом. Таня узнала следующее: экспертиза установила, что смерть ее мужа, Станислава Бурханова, наступила еще прежде, чем тело охватил огонь. До того как загореться, машина перевернулась, и удар, который получил Стас, оказался для него смертельным.

– Он ведь был пристегнут? – перебила Таня.

– Мог быть пристегнут, – поправил ее следователь. – Сами подумайте, что сохранилось от пластикового замка в таком огне? А вообще-то, ваш муж часто пристегивался?

Таня качнула головой:

– Почти никогда. Он просто перекидывал ремень через грудь.

– Почему же он пренебрегал таким простым правилом?

– Замок барахлил, – просто ответила Таня. – Пристегнешься – так потом намучаешься, пока отцепишься. Скажите, а он точно был уже мертв, когда машина загорелась?

– Ну, во всяком случае – без сознания. Так что умер он достаточно легко...

Еще Таня узнала, что в обгоревшей машине была найдена только одна связка ключей от квартиры. И эти ключи опознали родители Стаса. Ключей от собственной квартиры погибшего в машине не обнаружилось. Ну а о каких-либо документах говорить не приходилось.

– Дело в том, что пожарные приехали, когда все было почти кончено, – пояснил Каримов. – Это все-таки Подмосковье... Если бы машина оказалась на шоссе – тогда другое дело. А то – пока ее заметили, пока вызвали пожарных...

– Почему он свернул с шоссе? – напряженно спросила Таня.

– А я у вас хотел об этом спросить. Его родители утверждают, что он собирался ехать прямо к ним на квартиру. А путь туда лежит только по шоссе – это дорога в Москву. Вы, Татьяна Валерьевна, не знаете, он больше никуда не собирался?

– Он должен был куда-то заехать... – Таня изо всех сил пыталась вспомнить.

Воспоминание вертелось где-то на самом краю памяти, но никак не выходило наружу. Перед тем как выйти из дома, Стас поцеловал ее и что-то сказал... Что-то, что тогда показалось ей совсем незначительным, а теперь стало важным. Он куда-то собирался? Должен был кого-то увидеть? Это был выходной день. Стас надел спортивный костюм. Его ждала деловая встреча? Вряд ли. Он всегда соблюдал необходимый антураж и говорил, что в кроссовках деловые вопросы решают только бандиты. Да, ее догадка должна оказаться верной! Но вот следователю незачем об этом знать... Пока незачем.

– Татьяна Валерьевна, вы вспомнили?

Вопрос следователя вывел ее из задумчивости. Таня улыбнулась ему почти застенчиво. На самом деле ей было неловко что-то от него скрывать. Каримов оказался первым человеком, который внимательно к ней отнесся и ни разу не перебил, пока она излагала свое дело.

– Нет, ничего не вспоминается, – вздохнула она. – Скажите, но куда же делись ключи от моей квартиры? Может, их кто-то подобрал и теперь проник ко мне?

Каримов заметил, что здесь нет ничего невозможного. Что человек, который, по словам Тани, навестил ее дом, явно старался не привлекать внимания, потому и не зажег свет.

– Точно, как я! – радостно перебила она. – Я не хотела, чтобы свекровь увидела, что я дома!

– У вас плохие отношения?

Таня уклончиво пояснила, что отношения нормальные, просто у нее не было настроения видиться с родственниками.

– Татьяна Валерьевна, вам действительно пока негде пожить? – мягко спросил Каримов.

Таня ответила, что негде. Но это ее не пугает. Теперь она запирается на все замки. И она хочет узнать только одно – что же все-таки случилось с ее мужем?

– Несчастный случай, я полагаю, – ответил следователь. – Правда, то, что вы рассказали насчет паспорта и ключей, может многое изменить.

– Но во всем остальном – несчастный случай?

И следователь подтвердил, что это, скорее всего, так. Напоследок он задал Тане еще один вопрос. Она уверена, что в прошлом году муж ставил машину на техосмотр? Таня немного помедлила с ответом. Конечно, Стасу уже ни за что не придется отвечать... Но не получится ли так, что она окажется его сообщницей? Ведь она знала, что он смухлевал, и молчала... Каримов разрешил ее затруднения, ответив на свой вопрос сам:

– Ведь никакого техосмотра он не проходил. А бланк на девяносто восьмой год просто купил. Причем не в своем отделении. Ему, можно сказать, очень повезло, что его за полгода никто не тронул. Так что, Татьяна Валерьевна, вот самая веская причина считать все случившееся несчастным случаем. Если у вас будет своя машина – не совершайте такой ошибки.

Таня встала. Сказала, что вряд ли у нее когда-нибудь будет машина. Да это и не является целью ее жизни. Она поблагодарила следователя за то, что ее хотя бы выслушали.

– Вы уверены, что, кроме носильных вещей вашего мужа, ничего из квартиры не пропало? – спросил напоследок Каримов.

Таня была уверена в этом. Вчера она на пару с Ксенией произвела дома самый настоящий обыск. И убедилась – все было на месте. На письменном столе мужа осталась лежать его ручка «Монблан». На трюмо, в деревянной шкатулке, остались нетронутыми запонки Стаса, Танина золотая цепочка и еще несколько золотых и серебряных украшений. Фотоаппарат, видеокамера, часы... «Грабитель» ни на что не польстился.

Седьмого сентября Таня продала две тысячи долларов по курсу двадцать рублей за доллар. Ксения также осуществила обмен. На этот раз девушек сопровождал муж Ксении. Узнав, какую сумму собирается обменять Таня, он решительно заявил, что будет ее подстраховывать. Он был очень возбужден и несколько раз заставил Таню сказать, что она не будет на него в претензии.

– За что мне быть в претензии, Алеша? – удивилась девушка уже на обратном пути домой. Сумку распирала толстая пачка денег.

– Сама должна понимать за что, – ответил тот. – Продать по выгодному курсу – еще полдела. Теперь тебе надо купить доллары как можно дешевле. А для этого придется подождать. И не бросаться в обменный пункт, как только доллар упадет. А то не только ничего не заработаешь, можно еще и потерять.

– А доллар точно упадет? – с улыбкой спросила мужа Ксения.

Тот нервно попросил не морочить ему голову. Вокруг бог знает что творится, а бабам все бы трепаться! «Бабы» обиделись и замолчали.

Алешу не ставили в известность, как далеко продвинулось следствие по делу Стаса. Он не слишком интересовался, как и почему погиб сосед. Мужчины не дружили, в отличие от своих жен. Зато девушки все больше времени проводили вместе. Ксения вот уже больше года нигде не работала. Она уволилась из юридической консультации, где занималась канцелярской работой, в связи с каким-то нервным заболеванием. Ксения не уточняла, какое это было забо-

ление. А Таня не спрашивала, проявляя деликатность. Ее же саму из книжного магазина уволили. Точнее, все выглядело немного иначе – половину продавщиц отправили в отпуск без содержания. Таня была в их числе. Она даже не пыталась возмущаться. Эта работа не смогла бы ее прокормить, она была отдушиной, альтернативой домашнему хозяйству, и только. Теперь Стаса не стало, и содержать Таню было некому.

– Ну и плевать, что уволили, – заметила Ксения, когда узнала об этом. – Ты больше заработаешь сейчас на обмене валюты!

Столько острых ощущений, как за последние дни, на долю Тани никогда не выпадало. Она всегда вела очень размеренную жизнь. Хорошо училась в школе, и единственным грехом было курение – тайком, с одноклассниками, после уроков. Потом – поступление в московский вуз гуманитарного профиля. Учеба. Грешки потяжелее, но без последствий. Стас. Бурный роман, свадьба, счастье. Или то, что казалось счастьем. Таня бросила институт, не дотянув до четвертого курса. К тому времени ей стало ясно, что диплом, который она должна получить, не поможет найти достойную работу. Для этого нужно нечто совсем иное, чем диплом. Например, знакомства, которые у Стаса были. Или деньги, которые у Стаса тоже нашлись бы. Это муж неоднократно намекал ей, что надо подумать о другом образовании. О юридическом, экономическом – каком угодно, но не гуманитарном. И Таня забрала документы из института. Погрузилась в домашнее хозяйство. Приучилась бегать по утрам. Раз в неделю устраивала себе голодовку. Впервые в жизни сварила варенье. И в ожидании, пока Стас найдет ей хорошую работу или выберет место учебы, Таня устроилась в книжный магазин неподалеку от дома.

Сейчас, вспоминая свою незамысловатую биографию, девушка ощущала что-то вроде разочарования. «Мне двадцать пять, а кто я? Никто. Ноль. Ну а если бы я доучилась в институте и получила диплом, тогда кем бы я была? Да тем же нулем. Получается, что без Стаса я вообще ни черта не значу! Пока он был со мной – я была счастлива, была все время чем-то занята. Да еще бы – вот с утра надо вскочить и приготовить ему завтрак, проводить его, помахать в окно ручкой, причесаться, накраситься и бежать на работу. В обед бегу домой, по дороге заскакиваю на рынок, все закупаю, дома перехватываю бутерброд и бегу обратно к себе в магазин. Работа кончена – и я опять, высунув язык, мчусь по тому же маршруту. Заскакиваю в те магазины, в которые днем не успела, дома готовлю ужин, встречаю Стаса. Потом я мою посуду, стираю, глажу, убираю квартиру, подсчитываю расходы, пересаживаю цветы, чищу обувь, ковер, ванну, смотрю телевизор, ложусь спать. Где-нибудь в перерыве между всем этим – любовь. Конечно, вздохнуть некогда! Но вот Стаса нет. Работу я потеряла. Встаю не с утра пораньше, а когда проснусь. Полчаса стою под душем. Пью кофе и сижу с сигаретой во рту, уставившись в окно, как старая бабка. Смотрю, кто куда пошел, кто машину моет, кто собаку выгуливает, чьи дети подрались. Потом думаю, чем заняться. Пропускаю рюмочку-другую, включаю телевизор. Потом мне звонит Ксения. Черт возьми, кошку завести, что ли?!»

Подруга ее успокоила:

– Ты просто еще не поняла, какое счастье тебе привалило!

Увидев расширенные глаза Тани, Ксения немедленно поправилась:

– Я не Стаса имела в виду, конечно... Хотя... – И решительно заявила: – А хоть бы и Стаса! Правду говорят – любовь слепа! Для тебя он был совершенством, святым каким-то, божеством! А я его сто лет знаю! И для меня он вовсе не из золота сделан! И всех баб, которые тут побывали до тебя, я видела! И сколько раз он в зюю напивался – тоже! Это при тебе он как-то остепенился. Его родители тебе вообще должны быть по гроб жизни обязаны. Ты, можно сказать, человека из него сделала. Хватит убиваться! Тебе одной будет куда лучше!

И Ксения добавила, что хотя она и любит мужа, но иногда мечтает только об одном – чтобы он убрался как можно дальше и как можно дольше не появлялся на глаза.

– Хочу жить в грязной квартире, ничего не стирать, не готовить, не ходить в магазин и вообще ничего не делать! – заявила она. – Тебе сказочно повезло, Стас еще и денег оставил.

Ксения перехватывала через край. Слушать ее было неприятно. Но, если прогнать подругу, – с кем тогда вообще разговаривать? Когда она начинала критиковать Стаса, Таня старалась выключить слух и думать о чем-то постороннем. Например, о том, что стиральный порошок так и не куплен. Что вечером по телевизору будет фильм, который давно хотелось посмотреть. Что надо позвонить родителям. Когда она приходила в себя, Ксения давно успевала сменить тему и рассуждала о чем-то более приятном, чем характер Стаса.

Таня давно успела вытянуть из подруги все подробности той неприятной истории, о которой Ксения как-то упомянула. Оказалось, что Ксения видела машину Стаса в городе, неподалеку от Пушкинской площади. И если насчет машины она могла и ошибиться, то самого Стаса узнала точно. Он сидел за рулем и разговаривал с женщиной, которая расположилась рядом. Женщина была одета не то в светлый плащ, не то в светлый пиджак. Цвета ее волос Ксения не разглядела. Лица женщины – тоже, та все время отворачивалась, потому что курила и пускала дым в окно. Но подруга была уверена – этой даме далеко за тридцать. Габариты, прическа – все указывало на это.

– Это мог быть деловой партнер, – с легким сердцем заметила Таня. Она успокоилась – Стас никогда не интересовался женщинами старше себя.

– Деловых партнеров не глядят по щеке, – отрезала Ксения.

И хотя она божилась и клялась – Стас проявлял именно такие знаки внимания, – Таня ей не верила. Ксения могла ошибиться. С большого расстояния любой жест можно истолковать неверно. К этой теме Таня больше не возвращалась. Если у Стаса и была любовница, то не эта дама. И вообще, любовницы у него не было! Поверить в такое – значит, уничтожить даже воспоминания. Ксения смеялась над ее семейной идиллией. Но была ли она сама счастлива? Таня не спрашивала об этом, но многое видела... Когда Ксения и Алеша были вместе, оба становились нервными, раздражительными, непохожими сами на себя. По отдельности они выглядели куда спокойнее и счастливее.

Каждый вечер Таня запирала входную дверь на все три замка. До часу ночи невольно прислушивалась к шуму лифта – шахта находилась прямо за стеной большой комнаты, и слышимость была превосходная. В час ночи лифт отключали. Теперь, если бы кто-то вздумал ее навестить, ему пришлось бы подниматься на восьмой этаж пешком. Девушка удивлялась тому, что теперь у нее нет никаких дел. Но, в сущности, одно важное дело у нее было, и она занималась им постоянно. Она ждала. Кого, чего – этого Таня не знала. Она просто ждала. Стука в дверь, телефонного звонка, знакомого голоса, того, чего и на свете нет, – чего угодно, лишь бы это было похоже на выход, на проблеск, на то, что он может быть жив...

Эта безумная идея появилась у нее с того самого вечера, когда кто-то навестил ее квартиру. Она никому не рассказывала о своих догадках. Но постоянно пыталась что-то сопоставить, до чего-то додуматься. Складывала самые мелкие, незначительные детали. Вспоминала о том, что раньше казалось полной чепухой. Самые простые вещи теперь могли содержать в себе намек – намек на то, что Стас остался жив. Ушел из жизни – верно, ушел. Ушел из этой, вошел в другую. Реинкарнация – заранее рассчитанная, продуманная. И тем более жестокая по отношению к ней, к Тане. И тогда она называла себя сумасшедшей дурой. Давала слово, что пойдет в больницу, обратится к невропатологу, к психотерапевту, к кому угодно! Только пусть ее переубедят, пусть сделают так, чтобы она больше не верила, не ждала, ни на что не надеялась. Потому что, если Стас жив, – он негодяй, и права Ксения, тогда уж точно всему конец.

«Исчезли ключи от квартиры, паспорт, водительские права, исчезли его любимые вещи. – Она в который раз кружила по комнате, оглядывала каждый предмет, будто мебель могла ей ответить. – Он взял все, что брал всегда, когда отправлялся в командировку. Но никакой командировки не было. Он забрал вещи и исчез. Да, предположим, что просто исчез. Проходит неделя, и он понимает, что в этой квартире осталось что-то необходимое, ему нечем заменить эту вещь или просто жаль тратить деньги на покупку новой... Он выжидает, когда меня не

будет дома. В моих окнах темно. Он думает, что меня нет. Приходит, открывает дверь, берет то, что ему нужно, и уходит. Не зажигает света, потому что боится привлечь мое внимание, – вдруг я возвращаюсь домой? На кухню он не заглянул, потому что ему там ничего не нужно».

Таня останавливалась и трогала ручку «Монблан», лежавшую на письменном столе Стаса. «Почему же он не взял ручку? Достаточно дорогая и стильная вещь, в его духе... Он купил ее весной, не так давно, она ему не успела надоесть... – И тут же возражала себе: – Да мало ли почему он ее не взял! Быть может, он собирался вернуться. Он вернется». И она снова называла себя дурой, набитой идиоткой. Заставляла себя вспомнить о трупке, который должна была опознать. Ведь труп был! Ведь это была реальность, реальней некуда! «Да, реальность, – раздраженно, почти цинично обрывала она себя. – Кто-то в самом деле сгорел в машине Стаса. Но я не опознала мужа! Я узнала бы его в темноте, с закрытыми глазами, по звуку шагов, по дыханию, по молчанию, узнала бы его за закрытой дверью, в темном окне, в заколоченном гробу! Но как, кого я могла опознать в этом куске паленого мяса, по каким приметам, по каким признакам! И никто не мог его опознать, это невозможно! Следовательно, это мог быть и не Стас! И что это значит? Кто это был?»

Таня открывала бар, видела во внутреннем зеркале свое бледное лицо, глубокие тени под глазами. Сумасшедшая? Да нет, просто усталая, издерганная молодая женщина, у которой больше нет сил ждать. Она наливала себе рюмку водки или коньяка – что под руку попадалось. Бар почти опустел. Таня усаживалась за письменный стол мужа, ставила перед собой его фотографию и пила за его здоровье. Она произносила этот тост будто назло кому-то, может – самой себе. А потом, легко и быстро опьянев, плакала.

В столе осталась вся документация, связанная с работой Стаса. Он работал в фирме своего отца, числился коммерческим директором. Фирма была посреднической и торговала упаковочными материалами для пищевой промышленности. Чем конкретно – Таня не интересовалась. Что может быть более скучным, чем картон и целлофан? Девушка не раз задавала себе вопрос, почему свекор до сих пор не попросил отдать ему эти бумаги. Может, у него были копии, может, это неважные бумаги... Или же он давно все забрал, ведь он был тут сразу после гибели сына, на другой день... Таня тогда лежала почти без сознания, и из квартиры могли вынести всю мебель, она бы и не заметила. Конечно, могли вынести и вещи Стаса... Но почему именно эти вещи, а не золото, не технику, не «Монблан»? Измучив себя бесконечными вопросами, она засыпала, уронив голову на стол. А когда открывала глаза, было уже темно. И тогда ей снова становилось страшно. И хотелось, чтобы в машине был именно Стас. Потому что, если там оказался кто-то другой, это убийство. Стас – убийца. А в это она тоже поверить не могла.

Мужчина, который так грубо разговаривал с ней по телефону, больше не звонил. Приятеля Стаса, часто бывавшие в гостях, не звонили тоже, и в этом не было ничего странного. Соболезнования вдове они выразили на похоронах. А сама Таня никого из них не интересовала. Зато однажды, ранним утром, ответив на телефонный звонок, Таня услышала в трубке приятный женский голос:

– Здравствуйте, мне Стаса.

Девушка настороженно ответила, что Стаса нет. Женщины по этому номеру звонили редко, и это всегда были ее, Танины знакомые. Но абонентка с приятным голосом настойчиво попросила сказать, когда Стас будет дома? И Таня не выдержала, хотя сперва хотела как можно больше узнать об этой женщине:

– Стас умер. Не знаю, чем вам помочь.

– О боже мой, – прошептала та.

Ее было почти не слышно. Таня хотела положить трубку. Голос этой женщины звучал слишком молодо, чересчур музыкально. Таня знала за собой этот грех – ревновала мужа к каждой мало-мальски подходящей кандидатуре. Ревновала, несмотря на то, что Стас ее любил, –

это было ясно всем, в том числе и ей самой. Но женщина, как видно, справилась с собой. Она заговорила быстро и почти деловито:

– А я и понятия не имела! Думала, что чем-то все кончится, но что так... Вы ведь его жена, верно? Он рассказывал о вас.

– Кому? – замороженным голосом переспросила Таня. – Вам?

– Мне, мне, – абонентка полностью овладела своими чувствами. – Я даже знаю, что вас зовут Таня. Таня, вам, наверное, сейчас нужна какая-нибудь помощь? Мы со Стасом сотрудничали, точнее с его фирмой. Я могла бы...

– Все претензии по фирме направляйте к его отцу, – отрезала Таня. – Надеюсь, вы его знаете. Могу дать телефон, если нужно.

– Не нужно, у меня все есть. Вы почему-то против меня настроены, Таня?

Абонентка уже не казалась такой молодой, как сначала. Она говорила слишком разумно и расчетливо. И Таню это немного успокоило. Она извинилась и сообщила, что неважно себя чувствует, звонок ее поднял с постели. Но никакой помощи ей не нужно.

– Что ж, я позвоню Петру Михайловичу, – вздохнула абонентка. – Кстати, меня зовут Галина. Галина Афанасьева. Таня, простите за навязчивость... Понимаю, как вам тяжело. Но вы не можете мне сказать, отчего умер Стас?

Узнав, что произошло, Галина как-то замкнулась и быстро скомкала разговор. То ли на нее произвели впечатление обстоятельства смерти Стаса, то ли еще что-то, но она попрощалась и сказала, что в случае чего ее номер телефона Таня найдет у Петра Михайловича, своего свекра. Таня так и не уразумела, зачем ей будет нужен этот номер и почему бы в таком случае не дать ей номер сейчас. Она положила трубку и отправилась досыпать.

Галина позвонила через два часа, когда Таня уже проснулась и лежала, глядя в потолок. Девушка удивилась:

– Опять вы? Петра Михайловича не застали?

– Застала, застала! – нетерпеливо ответила та. – Таня, у вас есть свободное время? Можете со мной встретиться?

– Зачем? – Таня присела на табурет и поймала ногой ускользающий тапок.

Сон окончательно прошел. Но Галина не объяснила, зачем ей понадобилась личная встреча с вдовой покойного партнера. Она настойчиво повторила:

– Нужно встретиться, и как можно скорее. Сегодня. Погодите, я сейчас посмотрю... У меня есть свободный час – с одиннадцати до полудня. Давайте увидимся в кафе, где-нибудь в центре.

– Да чего ради? – раздраженно ответила Таня. – Я про дела мужа ничего не знаю. Разбейтесь с его отцом, а меня...

– Это не касается его работы.

Таня чувствовала, что женщина все больше нервничает. «Психованная, еще хуже, чем я, – подумала девушка. – На черта с ней встречаться?» Женщина успела сказать ей что-то, отчего она сейчас не могла положить трубку. Что-то тревожное, что-то странное... Галина ждала ее ответа, а Таня даже не собиралась выбирать, в каком кафе встретиться. Она вспоминала... И вспомнила. И после этого отбросила все церемонии. То, что она спросонья пропустила мимо ушей, теперь взволновало ее:

– Послушайте-ка, что вы имели в виду? Вы сказали, что знали, чем все закончится. Что закончится? Вы что – знали, что Стас умрет?

– Ничего я не знала!

Теперь женщина опять говорила еле слышно. И это подействовало на Таню больше, чем крик. Она взглянула на часы.

– Ладно, давайте встретимся, – мрачно сказала она. – Как я вас узнаю?

Галина назначила встречу в кафе неподалеку от Патриарших прудов. Это больно укололо Таню – здесь они когда-то бывали со Стасом. Значит, Стас водил в то кафе и эту женщину? Уже без десяти одиннадцать она сидела за угловым столиком, возле окна, и рассматривала прохожих. Видимо, Таня оказалась одним из первых посетителей. Заказанного кофе пришлось дожидаться минут пятнадцать – она слышала, как на кухне трещит кофемолка. У девушки слегка дрожали руки.

«Не надо было встречаться, она наверняка скажет какую-нибудь гадость про Стаса». Таня достала сигареты и закурила. В кафе вошел мужчина, за ним – две дамы лет пятидесяти, как на подбор – очень полные. Вряд ли одна из них отзывалась на имя Галина, да еще приятным молодым голосом. Девушка дождалась кофе, успела опустошить чашку... Пятнадцать минут двенадцатого. Мимо кафе промчалась пыльная лиловая «Ауди», за рулем Таня разглядела нечто светловолосое, в очках. Она дала себе слово – ждать еще минут пять, а потом уходить. Дверь кафе распахнулась, тренькнул колокольчик.

– Это я, – к ее столику подбежала женщина в тесном белом жакете, плотно обхватывающем полную грудь. – Вы уже материте меня, наверное.

Она нервно засмеялась, уселась за стол, одернула жакет. Взглянула на Таню, поправила очки и уже без улыбки, тихо спросила:

– Что-то случилось?

Таня могла бы сказать, что именно случилось. Галина выглядела слишком хорошо, чтобы ей понравиться. И самое ужасное – была во вкусе Стаса. Если, конечно, не считать, что и сама Таня была в его вкусе. У этой женщины были светлые волосы – рыжевато-русые. И даже на вид густые, не то, что у Тани. Голубоглазая, высокая, фигуристая, умело подкрашенная... Даже очки ее не портили – она носила их с большим достоинством, бесконечно уверенная в своей красоте. Да, она выглядела куда эффектнее Тани. И девушка сразу это поняла. Конечно, теперь это было все равно – ведь обольщать уже некого.

– Ничего не случилось. – Таня достала еще одну сигарету. – Вы бывали тут со Стасом?

– Пару раз, – легко ответила та. – Надеюсь, мне не нужно оправдываться? Стас говорил, вы девушка умная. Ничего у нас с ним не было.

– Вы уже оправдываетесь, – заметила Таня, целиком занятая поисками зажигалки.

Галина слегка смущенно засмеялась:

– Вы не представляете, как это осложняет жизнь... И бизнес тоже. Я замужем, у меня двое детей. Ох, я опять начинаю оправдываться, вы правы! – Она сняла очки, и ее глаза внезапно стали простодушными и близорукими. – Но вам придется мне просто поверить. Ваш муж меня не интересовал, я имею в виду в опасном для вас смысле. И потом, он вас очень любил.

– Он и об этом вам сказал? – Таня видела, что женщина держится как-то виновато.

«Если ничего и не было, то она этого хотела, – подумала девушка. – Ей сильно за тридцать... Стас был намного моложе. Имела бы совесть...» Она заказала еще одну чашку кофе. Галина схватилась было за очки, чтобы просмотреть меню, но тут же попросила официантку принести апельсиновый сок, больше ничего. «Слепая тетеря, – злорадно подумала Таня. – Нет, Стас не мог в нее влюбиться».

– Я понимаю, вам тяжело... – медленно произнесла Галина, глядя на приближающуюся официантку. – И все равно, давайте поговорим о деле. О деле, а не о том, как вы ко мне относитесь. Хотя я и не знаю почему. Ваш муж наверняка делился с вами своими проблемами...

– Нет, – перебила ее Таня.

Галина подождала, когда уйдет официантка. Придвинула к себе запотевший стакан и тихо спросила:

– Значит, он вас в курсе не держал? Что ж, а меня держал... Хотя и не хотел этого делать, наверное. Просто мне так не повезло – я всегда оказывалась под рукой...

И она рассказала о том, что ее встревожило. Где-то в середине августа она встретила Стаса – договориться об очередной партии упаковочной пленки. Это можно было сделать и по телефону, но у них у обоих выдалось свободное время, оба собирались пообедать в центре... Назначили встречу в этом кафе – его назвал Стас.

– У меня с мужем небольшой мясоперерабатывающий цех в Подмоскowie, – пояснила Галина. – Пленка нужна постоянно.

Она сказала, что до этой встречи видела Стаса несколько раз. Он произвел на нее очень приятное впечатление – вежливый, воспитанный, улыбчивый молодой человек. Но в тот раз она чуть не изменила мнение о нем. Стас был каким-то дерганым, странным, непохожим на себя.

– Сперва он нагрубил мне, сказал, что я отнимаю у него время на пустяки. – Галина помахала рукой, разгоняя повисшее над столиком облако табачного дыма. Таня беспрерывно зажигала одну сигарету за другой. – Потом все-таки извинился. Сказал, что у него неприятности. Я спросила, чем могу помочь? Это были не пустые слова, Таня. И не потому, что я имела какой-то там бабий интерес к вашему мужу. Просто он был мне симпатичен. По-человечески.

Стас тогда ответил ей, что помочь она вряд ли сможет. Он довольно много выпил в этом кафе, хотя был за рулем. Галина пыталась отговорить его и даже отняла у него последнюю порцию виски с колой. Стас немедленно заказал другую.

– Я видела, у него что-то случилось, – Галина тревожно глядела на Таню. – Случилось что-то серьезное. Я попросила сказать мне правду. Знаете, иногда молодежь совершает такие странные ошибки... Берет какие-то безумные кредиты. Боится чьих-то пустых угроз. Да просто в казино проиграется... Им это кажется катастрофой... Взрослый человек смотрит на все это иначе. Я хотела помочь.

– Молодежь, говорите? – перебила ее Таня. – А вам самой сколько лет?

– Тридцать четыре, – отчеканила Галина.

В конце концов ей удалось разговорить Стаса. Может, в этом помогло и количество выпитого им спиртного. Парень признался, что не знает, как поступить. Он стоит перед таким выбором, который может разрушить всю жизнь. Галина пыталась вывести его на прямое признание. Что именно его угнетает? Ему нужны деньги? Стас это начисто отрицал. Дело было не в деньгах.

– Я запомнила одну фразу, которую он сказал напоследок, – после короткой паузы произнесла женщина. – Ваш муж сказал: «На такую подлость решиться очень трудно».

Она замолчала. Таня смотрела в окно, глаза слезились от яркого полуденного солнца. Никогда муж не был с ней настолько откровенен, как с этой женщиной. Неужели правда, что люди любят все рассказывать чужим, а своих боятся? Что мучило его в середине августа? Какая подлость? Об этом и речи не было. Она бы заметила, она бы догадалась...

– Что он сказал еще? – выдавила Таня.

– Ничего. Попрощался и уехал. Я молилась, чтобы он не разбился...

Таня вскрикнула – сигарета, догоревшая до фильтра, обожгла ей пальцы.

– Он разбился, – глухо заметила она, сунув окурок в пепельницу.

Галина неожиданно схватила ее за руку:

– Вот поэтому я и хотела с вами встретиться! Знаете, что он сказал напоследок, когда расплатился? Я как раз уговаривала его оставить машину на стоянке и взять такси, а то разобьется. Стас ответил примерно так: «Все равно этим закончится». А сегодня утром вы мне сообщаете, как он погиб... Ужасно.

– «Все равно этим закончится»? – Таня медленно высвободила пальцы из ее жаркой ладони. – Он имел в виду... автокатастрофу?

– Да, я поняла так. Он часто садился за руль пьяным?

– Как правило, да... – будто во сне ответила девушка. – Как правило...

Она уже почти не слышала, что говорила женщина. Значит, Стас что-то знал или предчувствовал и все же предпочел ничего ей не говорить... Ей – жене – самому близкому человеку. Его мать, отец и брат тоже не были в курсе. И только эта посторонняя женщина случайно обо всем узнала. Таня вдруг опомнилась. До нее дошло, что Галина продолжает рассказывать.

– ...Мы увиделись еще раз, в самом конце августа. Уже не в кафе, а на складе. Там же был и его отец. Стас выглядел трезвым, спокойным, только взгляд – какой-то странный. Он как будто старался не смотреть в глаза отцу. И как только Петр Михайлович вышел, чтобы позвонить по телефону, Стас сразу обратился ко мне. Таня, вы не угадаете, что он мне сказал.

Девушка и не собиралась угадывать. Она подалась вперед и жадно ждала. Галина снова сняла очки и закусила дужку оправы. Секунду-другую она ожесточенно грызла ее, потом опомнилась:

– Извините, волнуясь. Все свои очки попортила, эти последние. Так вот, Таня, ваш муж достал бумажник и показал мне вашу фотографию. Черно-белую, но очень хорошую. Вы там сняты в мужском пиджаке и полосатом галстуке.

Таня знала, о чем идет речь. Серию этих фотографий как-то сделал один приятель Стаса. Он увлекался фотоделом и с удовольствием снимал своих знакомых, преимущественно женщин. Таня, действительно, снялась в черном пиджаке и полосатом, стилижном галстуке Стаса. Это был единственный случай, когда муж не возражал, чтобы взяли его вещи.

– Стас показал мне эту фотографию и сказал, чтобы я как-нибудь позвонила вам. – Галина отложила очки в сторону, чтобы избежать соблазна снова в них вцепиться зубами. – Я, конечно, удивилась – почему это я должна вам звонить? Мы даже не знакомы. Но не стала ни о чем расспрашивать, очень уж у него был отчаянный вид. Потом вошел Петр Михайлович, и Стас замолчал. Мне показалось... Он как будто хотел сказать что-то еще, но осекся. Мы подписали мои накладные, и я уехала. Знаете, Таня, я, вообще-то, не приняла всерьез его просьбу. Позвонила, в сущности, не вам, а Стасу. У меня было к нему одно мелкое дело. Но когда вы мне сказали, что случилось... – Она замолчала.

– Это все? – выдавила Таня. – Больше он вам ничего не говорил?

– Ничего. Но вы не находите, что и этого довольно? Все как-то странно. Скажите, ваш муж ничего не боялся? У него не было крупных неприятностей? Долгов? Врагов?

– Те же самые вопросы мне задавал следователь. Не знаю, что вам ответить. Вы, вообще, знаете куда больше меня.

Галина неожиданно взглянула на часы и встала:

– Мне пора ехать. Вас куда-нибудь подвезти?

Таня сказала, что торопиться ей некуда. Она ждала, что женщина скажет что-нибудь еще. Не может ведь она так просто уйти, после всего что рассказала. Но женщина одернула жакет, направила очки и надела их.

– Вот мой телефон, – она положила на стол визитную карточку и что-то черкнула на ней. – На обороте – домашний. Не знаю, что случилось, не знаю, чем могу помочь... Но, если будет нужно, позвоните. Следствие идет, вы сказали? И что же они говорят?

– Несчастный случай, – прошептала Таня. – Все выглядит как несчастный случай.

После того как Галина ушла, Таня еще добрых полчаса неподвижно сидела за столиком. Настало обеденное время. Несмотря на кризис, кафе быстро наполнялось. Цены все еще остались прежними, и наверняка сюда пришли даже те люди, которые раньше не могли себе позволить тут пообедать. Все менялось – соотношение цен, курс доллара, время года... За соседним столиком двое мужчин возбужденно спорили о том, как скоро сменится правительство. Но девушка сидела на своем месте у окна, вертела в руках чашку, рассматривая кофейную гущу, и не двигалась. Для нее тоже многое изменилось. Слишком многое. Она даже не знала, куда ей теперь идти. Домой? Чтобы попасть в ловушку? Ведь дом стал для нее западней, где она

не в силах ничего предпринять, где остается сидеть и ждать... Ждать неизвестно чего. Куда же пойти? Неужели некуда?

Она снова вспомнила ту фотографию, которую Стас носил в бумажнике. Таня обнаружила это совершенно случайно. У нее не было привычки лазить у мужа по карманам. Просто она собиралась отдать в чистку его пиджак и, проверяя внутренний карман, вынула оттуда бумажник. Раскрыв его, она остолбенела. Конечно, нет ничего удивительного в том, что любящий муж носит с собой фотографию жены. Но для нее это было неожиданностью. Она впервые задумалась о том, что, может быть, плохо знает Стаса. Оказывается, он сентиментален. Этого раньше за ним не замечалось. Оказывается, он скучает по ней, пока занимается делами... А она-то, глупая домашняя курица, думала, что он обращает внимание на других женщин! Ей стало неловко. В который раз она вспомнила, как ее мать говорила перед свадьбой: «Очень уж он для тебе хорош!» Тогда Таня обижалась – неужели сама она так плоха?! Потом решила, что это своеобразная шутка. И вот теперь эта мысль впервые пришла в голову ей самой. А если, и в самом деле, она недооценивает мужа? Не дай бог, он это поймет... Всегда найдется девица помоложе и покрасивее, которая оценит его куда выше! И скажет ему об этом! Тогда – берегись!

– Стас, почему ты выбрал именно эту? – ласково спросила она тем вечером, усаживаясь на подлокотник кресла и показывая Стасу раскрытый бумажник.

Он едва взглянул и хмыкнул:

– Мне эта больше всех понравилась. Вообще, Юрка молодец. Может наконец женится... У него этих фотографий – вагон! Всех красивых девчонок переснимал.

Таня легонько стукнула его по макушке согнутым пальцем, вернее – обручальным кольцом:

– Каких это красивых девчонок?

– Знакомых.

Стас отнял у нее бумажник и попросил не ревновать его ни к кому. И Таня обещала, но слова не сдержала. Не успела сдержать. Снимок в бумажнике появился перед самой гибелью мужа... Странная сентиментальность. Все больше странностей в его последние дни...

«Как будто он предчувствовал... Или точно знал?!» Таня вскочила, подошла к стойке бара и расплатилась. Выбежала на улицу и уже через минуту поймала такси. Назвала адрес, раскрыв записную книжку на букве «Ю». «Его друзья! Ведь сразу надо было опросить его друзей! Какая я дура! Даже Галина что-то знала, а уж Валера, Саша, Юрка... Чем я раньше занималась?! Он предчувствовал, он боялся! Я должна знать, что случилось на самом деле, а не то, что мне говорят!»

Вскоре машина попала в пробку, и Тане захотелось крикнуть, чтобы водитель любой ценой продвигался вперед. Она больше не могла ждать.

Глава 4

У нее даже мысли не возникло, что Юру о своем визите надо предупредить. У девушки было только одно желание – чтобы тот оказался дома. Расплатившись с таксистом, Таня пулей влетела в подъезд. Она бывала тут несколько раз, всегда вместе с мужем. Юра жил на первом этаже, на площадке – всего одна дверь. Таню всегда удивляла такая странность – на стене возле двери не было ни звонка, ни какой-нибудь другой сигнальной системы. Стучать бесполезно – внешняя, железная, дверь была обита таким мощным утеплителем, что кулак ударялся, как в подушку. Но даже если кому и удавалось врезать посильнее, то вторая дверь – деревянная, также утепленная – полностью гасила звук.

Но Таню это не смутило. Она поступила так же, как всегда поступал Стас, – наклонилась, подняла лежавший в углу обломок кирпича и заколотила в железную раму косяка. Этот кирпич валялся тут уже года полтора и служил именно для этой цели. Им активно пользовались все Юрины друзья.

Таня стучала, пока не услышала, что щелкает замок. А потом в щели показался сам Юра:

– Ну какого черта... Татка, ты?!

– Ну да. – Она швырнула кирпич обратно в угол. – Можно?

– Ну, в общем... – Юра как-то странно замялся, а потом решительно распахнул дверь. – Иди. Только сразу на кухню, понимаешь? Быстренько.

Таня не понимала, но подчинилась, тем более что дверь в кухню была прямо напротив. Сам Юра скрылся в ванной. Там зашипела газовая колонка и полилась вода. Таня стояла у окна и наблюдала, как рабочие пытаются вытащить из подъезда напротив огромную ржавую батарею. Батарея застряла в узких дверях. Раскалывать ее было поздно – негде размахнуться. Мужики озадаченно взирали на дело рук своих и совещались. А вода в ванной все шумела. Юра явно не торопился и мылся основательно.

В комнате негромко играла музыка, потом она оборвалась и послышался голос диктора. «Интересно, почему это он погнал меня в кухню?» Девушка прислушалась, но, кроме радио, ничего не услышала. Сделала несколько шагов, пересекла холл, заглянула в комнату... Увидела, что Юра кое-что переставил. Очень красивый розово-серый диван – предмет зависти Тани – раньше стоял в углу комнаты. Теперь он оказался у окна, да вдобавок приобрел дополнительное украшение: на диване лежала женщина и лениво листала иллюстрированный журнал. Таню она не заметила. Зато девушка, увидев ее, остолбенела. Дама на диване была совершенно голая. Она даже не собиралась прикрыться какой-нибудь одеждой, в изобилии валявшейся на полу. По-видимому, ей было не холодно.

Таня на цыпочках отступила и укрылась в кухне. Она уже поняла, что явилась некстати. Теперь положение мог исправить только хозяин. К счастью, Юра вышел из ванной через несколько минут и сразу заглянул на кухню:

– Поставь пока чайник, я сейчас.

– А ничего, что... – Таня сделала большие глаза и кивнула в сторону двери.

Юра понял и обозлился:

– Об этом раньше надо было думать! Воспитанные люди сперва звонят, потом приходят!

Таня молча взялась за чайник. Юра вернулся очень быстро. Он успел натянуть брюки и свитер, пригладил мокрые волосы. Дама, как видно, ни чая, ни кофе не захотела. Она по-прежнему не издавала ни звука. Таня была уверена, что женщина так и лежит на диване, уткнувшись в журнал.

– Снимаешь обнаженную натуру? – тихо поинтересовалась Таня, налив себе чая.

– Нет, но, может, буду, – Юра вздохнул и потянулся за печеньем. – Ох, как меня все задолбало... К тебе это, в общем, не относится. Как дела?

Обменявшись с хозяином дежурными мнениями насчет кризиса, Таня решила приступить к делу. Но первый же вопрос Юру просто изумил:

– Да ты что?! Как можно предчувствовать катастрофу?! Я, может, тоже сегодня вечером долбанусь на своем драндулете. Что очень вероятно, у меня резина лысая... Выбрось дурь из головы, Татка. Кто тебе такое наплел?

Девушка промолчала. А Юра, секунду на нее поглядев, вдруг хлопнул в ладоши:

– Ксенька! Точно! Это ее штучки! Слушай, не пускай ее в дом! Она к тебе еще гадалку приведет или какого-нибудь колдуна. Останешься без штанов.

– Да что ты врешь, Ксения нормальный человек. – Таня сразу погасла. Юра явно ничего не знал. Слишком искренне он удивлялся.

– Она каждый вечер раскладывает карты, – сообщил парень. – Клянусь! Лешка мне рассказывал. И выкладывает ему, что будет завтра, что послезавтра. Как помешанная в это верит.

– Мне она никогда не гадала, – отрезала Таня. – И я в это мракобесие не верю.

– Ну так что ж ты глупостями занимаешься? Предчувствия... Скажи на милость. Я видел Стаса буквально дня за три... – Юра заговорил сдержаннее, видно, до него вдруг дошло, что рядом сидит вдова. – Тань, он был совершенно обычный. Мы даже выпили. Уж пьяный-то он все бы рассказал.

– Значит, мало выпили, – пожала плечами Таня и встала. – Ладно, я побегу. Извини, что оторвала от дела...

Юра тоже встал и нерешительно предложил:

– Может, материально помочь? Я пока могу. Что дальше будет, неизвестно, но...

От денег Таня отказалась. Уже у самой двери она обернулась и еще раз поблагодарила Юру за фотографии. Напоследок девушка сказала:

– Одну из твоих фоток Стас носил в бумажнике, и в тот день тоже... Она, конечно, сгорела.

Юру передернуло. Он предложил отпечатать для Тани нужный снимок – у него сохранились пленки. Но девушка отказалась:

– Зачем? У меня полный конверт этих снимков.

– Не скажи, – вздохнул Юра. – Я видел твою фотку у него в бумажнике, когда он расплачивался в кабаке. Портрет таким крупным планом был один. Все остальные – скорее, средний план. Так что я сделаю, позвони мне на неделе...

И за девушкой поочередно захлопнулись обе двери. Таня вышла во двор, постояла у крыльца, глядя, как рабочие продолжают воевать с батареей. Наконец раздались оглушительные удары по чугуну – как видно, другим способом неподатливый агрегат вытащить не удалось, его решили разбить. Грохот стоял такой, что сработала сигнализация у всех машин, припаркованных во дворе. Таня взглянула на часы и пошла прочь. Проходя мимо окон Юриной квартиры, она взглянула на них. И увидела, как в окне кухни показалось бледное женское лицо. Женщина взглянула на рабочих, на Таню, на машины... К груди она прижимала какую-то скомканную тряпицу, небрежно прикрывая наготу. Таня поспешно отвела взгляд и прибавила шаг.

«Я только время потеряла, надо было начинать с Саши, – ругала она себя, пытаясь отыскать исправный таксофон. – Самый близкий друг и собутыльник Стаса. Только в Москве ли он? Обычно его не застанешь...» На этот раз она решила позвонить, прежде чем приезжать. Ответила Сашина подруга и успокоила ее – тот был в Москве, более того, как раз собирался ехать домой. Таню горячо пригласили зайти в гости, и она с радостью согласилась.

– Хорошо выглядишь! – Это были первые слова, которые вырвались у Тани.

Агна (Сашина подруга ненавидела, когда ее звали Агнессой) и в самом деле поразительно изменилась. Она похудела килограммов на пять, загорела и выкрасилась в платиновую блондинку. Это как-то не вязалось с ее прежним запущенным обликом. Агна жалко улыбнулась:

– По сравнению с тем, что было, конечно... Саши пока нет. Выпьем?

Таня заколебалась и нашла в себе силы отказаться. Обильные алкогольные возлияния последних дней сделали свое дело – сегодня утром она с трудом разлепила глаза. Веки опухли так, что пришлось положить на глаза примочки из чайной заварки, прежде чем накрасить ресницы.

– А я выпью, – снова вздохнула Агна. – Что-то на душе черно...

В Сашиной квартире было, как всегда, чисто и уютно. Сколько раз Таня тут бывала – столько и удивлялась. В этом доме как будто всегда ждали гостей. Нигде ни пылинки, оконные стекла блестят, ковры начищены, в раковине грязной чайной ложки не увидишь. И это при отсутствии домработницы. Правда, была Агна... Таня не раз спрашивала себя, что важнее для мужчины – чистый дом или ухоженная жена? Для себя она этот вопрос как будто решила: главное – все-таки нравится Стасу. Агна сделала ставку на домашний очаг. Обычно она появлялась на людях в каком-нибудь странном, нелепом, но ярком наряде, непричесанная, без признаков косметики, с унылой, просительной улыбкой. Но сегодня ее вид поражал, о чем Таня ей и заявила.

– Сидела на диете? – поинтересовалась она, устроившись за кухонным столом.

Агна быстро, как будто украдкой, налила себе полстакана красного вина, не отрываясь выпила и отломала кусочек сыра.

– Какая диета, все это нервы, – ответила она, доставая с подоконника сигареты. – Наоборот, ем больше, чем всегда. Да не смотри ты так на меня! Какая разница, хорошо я выгляжу или плохо! Все это зря, все!

Спустя пять минут Таня была в курсе дела. Оказалось, что загар Агна приобрела на родине, в Одессе. Волосы выкрасила сама, в домашних условиях. А пять килограммов потеряла исключительно из-за выяснения отношений с Сашей.

– О господи, – вздохнула Таня. – Когда вы наконец поженитесь? По-моему, вы уже пять лет вместе... Он что – все никак не решится?

– Да никогда он не решится! – зло и нервно отрезала Агна. – Это тебе повезло, что москвич согласился жениться... Да еще и прописал!

Таню передернуло. Она слышать не могла этих рассуждений на тему «прописка», «москвич» и «повезло». Когда, вскоре после свадьбы, она приехала с мужем в Калининград, старые школьные подружки окружили ее при первой же встрече и стали жадно расспрашивать – как же Стас согласился прописать иногороднюю?! Ни о какой любви со стороны Тани, как все считали, и речи не было. Был только ее тонкий расчет и поразительная удача. Таня видела, как ее внезапно зауважали подружки, и ее чуть не стошнило от их завистливых расспросов.

– Агна, перестань, – тихо сказала она. – Я думаю, не в жадности дело.

– А в чем? – В голосе Агны послышались слезы. – Я уже второй год – бомж! Понимаешь – абсолютный бомж, у меня даже украинской прописки уже нет! С тех пор как институт кончила – нигде не прописана! Ну хоть бы временно прописал! Нет, даже на регистрацию не согласен, ни на что! Если меня менты остановят – будет так весело, так весело! А когда я ему говорю, он только отмахивается – меня дескать не остановят!

– Ну а почему тогда не поехать домой и не прописаться там? – осторожно спросила Таня. – Пусть у тебя в паспорте будет хоть какая-то прописка. Все лучше, чем ругаться из-за такой ерунды.

Агна тихонько взвыла:

– Черт возьми, да кто меня сейчас там пропишет, у меня советский паспорт, я не принимала украинского гражданства! И если бы ты знала, что я сейчас пережила... Если я куда-то уеду, то обратно он меня не пустит. Я вообще боюсь из дома выходить.

– Ты же была в Одессе? – поразились Таня. – Что у вас случилось?

И Агна, дрожа от негодования, рассказала о том, как ее встретил Саша по возвращении из Одессы. Она ездила к родителям одна, Сашу не пустила срочная работа. Агна позвонила ему сразу же, как взяла обратный билет, и он обещал ее встретить.

– Мои нагрозили меня до зубов... – возмущенно объясняла она. – Два ведра вишни на варенье, сетка с персиками... Как будто все это здесь нельзя купить! Уж на вишню Сашка как-нибудь заработал!

Оказалось, что на вокзале Агну никто не встретил. Она с трудом вытащила багаж на перрон и потом мыкалась у вагона добрых полчаса. Делала скидку на то, что Саша попал в пробку. Потом на то, что у него сломалась машина. Потом решила, что он внезапно заболел. Когда мысли приняли такое направление, Агна не выдержала ожидания. Наняла носильщика, который все это время упорно стоял рядом, уверенный, что дамочка ждет напрасно. Села в безумно дорогое такси, проклиная вишню, персики и все прочие фрукты с ягодами. Отправилась домой...

– Ключ у меня был свой, – срывающимся голосом сообщила она. – Таксист донес ведра до двери, я еще за это приплатила. Когда я открыла дверь...

Саши дома не оказалось. Зато в спальне, на широкой семейной кровати, Агна увидела женщину, которая увлеченно занималась маникюром. Судя по всему, она жила тут не первый день. Агна сразу поняла это, узрев многочисленную косметику на трюмо – на том самом месте, где раньше лежала ее собственная скромная пудреница.

– Эта тварь, – всхлипнула девушка, – спросила, кто я такая. Я сказала, что жена Саши... А она так заржала!

«Тварь» наотрез отказалась выметаться. Агна онемела от такой наглости и прождала Сашу до вечера, сидя на кухне. «Тварь», ничуть не смущаясь, несколько раз там появлялась, чтобы взять что-нибудь из холодильника. Агна боролась с желанием выколоть ей глаза кухонным ножом, ошпарить кипятком, вообще убить. «Тварь» вела себя потрясающе хладнокровно. Она и глазом не моргнула, как будто Агны здесь и не было. Наконец приехал Саша.

– Он просто обо мне забыл! – Агна уже плакала, и Таня даже не пыталась ее утешить. – Сказал, что куда-то сунул бумажку, где был записан мой поезд... Явно врал! Сказал, что, в общем, эта женщина ничего для него не значит... Это уже когда она ушла... А до этого...

До этого, как выяснилось, Саша тоже вел себя странно. Нет, он не метался между двух огней. Агну поразило, как он отнесся к «твари». Если ей – старой постоянной подруге – он только сказал подождать на кухне, то с «тварью» разговаривал часа полтора, запершись в спальне. Причем ни разу не повысил голос! Агна все это время была на грани обморока и ждала только появления Саши, чтобы по-настоящему потерять сознание. Потом она услышала, как парочка нежно прощается в прихожей, стучат каблуки «твари» и хлопает входная дверь.

– Я спросила, кто это такая, – Агна утерла глаза и налила себе еще вина. – Саша даже толком не объяснил... Сказал, что, вообще-то, лучше мне было остаться в Одессе. Что у него, оказывается, сейчас какие-то искания, и вообще, своя личная жизнь, новые планы... Что все должно меняться... Ужасно это слышать после пяти лет... Еще в мае он почти согласился расписаться... Я его убедила, что не буду претендовать на квартиру в случае чего. Господи, ведь это же была пустая формальность! Если бы я тогда настояла на своем, я бы вела себя с этой стервой как законная жена! А я... Я...

Она задохнулась и залпом выпила вино. Таня чувствовала себя страшно неловко. Собственно говоря, Агна никогда не была ее подругой. Она относилась к разряду знакомых. Стас называл Агну не иначе, как «хитрая южная женщина». Он-то был уверен, что Саше придется туго, если тот согласится расписаться. Что кротость и домовитость Агны продлятся только до штампа в паспорте. Стас говорил, что Агна умом не блещет, уж тем более – красотой. Что это просто хорошая горничная, не больше. Таня, в общем, была с ним согласна. Но про себя замечала, что Саша тоже хорош – мог бы нанять настоящую горничную за деньги, чем морочить

голову Агне, которая второй год мается в Москве без прописки. Тем не менее она скорее была на стороне Саши. И вот теперь ее пытались перетянуть в другой лагерь, ждали сочувствия и осуждения негодяя...

– Может, еще не все испорчено, – без особой уверенности сказала Таня. – Ну побаловался мужик, пока ты отдыхала... В конце концов это она ушла, а ты осталась.

– Она ежедневно звонит, и он часто не ночует дома! – взвизгнула Агна.

Таня признала, что в таком случае дело обстоит серьезно. И получается, что Агне лучше всего уехать добровольно. Иначе будет очень трудно избежать позорных выяснений отношений... Да и Саша, похоже, все для себя решил. Но Агну не устраивал и этот вариант:

– Ничего он не решил! Это просто дурость, ведь бабе за тридцать! Видела бы ты ее! Вульгарная, как...

– Ну так борись! – устало бросила Таня. Она сидела как на иголках, то и дело глядя на часы. Откровения Агны интересовали ее все меньше. Ситуация слишком походила на сериал, а сериалы Таня не любила. Агна агрессивно заявила, что будет бороться. Отсюда и новая прическа, и косметика, и все прочее.

– Пять лет промучилась с этим взрослым младенцем, чтобы меня отсюда выбросили?! Ни черта! Он у меня еще до Нового года женится! Когда я забеременею! Мы предохраняемся, но теперь я презерватив иголкой прокалю!

У Тани чуть зубы не заболели от таких откровений. Она уже собралась сказать, что это будет нечестно, прежде всего по отношению к ребенку... Но тут в дверь позвонили.

– А наши запасные ключи он отдал этой твари! – напоследок сказала Агна. В следующий момент она надела на лицо улыбку и отправилась отпираться.

Увидев гостью, Саша молча обнял ее. Таня почувствовала знакомый запах его одеколона. У нее чуть слезы не брызнули – вспомнились похороны, поминки... Саша все это время был рядом с нею. Саша и еще, конечно, Славка. Если бы не они – она бы тогда же рехнулась. И это Саша заставлял ее пить как можно больше – чтобы забыться.

– Давно не звонишь, – Саша бережно усадил ее за стол. – Ты здорова? Агна, дай чего-нибудь поесть.

– Не «чего-нибудь», а голубцов, – повысила голос Агна. Приветственные объятия ей явно не понравились. Раньше, когда Таня приходила с мужем, это выглядело иначе. Но теперь Таня представляла куда большую опасность. Обостренное чутье Агны сразу это уловило.

– Саш, у меня к тебе есть вопрос, – Таня достала сигареты. – Выйдем на балкон?

Саша моментально согласился. На Агну жалко было смотреть – таким поведением Таня плюнула ей в душу. Но девушка не могла ждать другого момента, чтобы поговорить без свидетелей. Да и есть ей не хотелось.

На вопрос, не замечал ли Саша в поведении друга каких-нибудь странностей, тот ответил не сразу. Таня уже выкурила сигарету и выбросила окурочек, а тот все просил дать ему подумать. И наконец сказал, что особо странного ничего не припоминает, но вот была одна знакомая...

– Женщина? – перебила Таня. – Чья знакомая – твоя или его?

Оказалось, новая знакомая появилась у Стаса. О своем недавнем приключении Саша даже не упомянул. Если бы Агна не пожаловалась, Таня ничего бы не заподозрила.

– Тань, ты только не подумай ничего такого, – неловко попросил он. – Там были чисто деловые связи... Но баба его клеила жутко. А вот ему, насколько я понял, было до лампочки...

Таня попросила не щадить ее чувств. Уж если она пережила смерть мужа, то все остальное тоже как-нибудь переживет. Саша, запинаясь и надолго умолкая, поведал о своих впечатлениях. Оказалось, что как только Стас познакомился с этой женщиной, его поведение изменилось. Он стал каким-то дерганым, нервным. Больше, чем обычно, пил. И как-то, когда друзья созвонились, Стас мельком упомянул о каком-то неприятном обязательстве.

– О чем? – Таня затаила дыхание. – Как он это назвал?

– Обязательство. – Саша закурил вторую сигарету. – Только я не понял, сколько он должен.

– А если это были не деньги?

– А что тогда? – удивился тот. – Думаешь, что-то другое?

Однако Саша и сам не смог вспомнить, чтобы друг прямо упомянул про деньги. Таня выяснила одно – это обязательство каким-то образом связано с той новой знакомой.

– Ты видел ее?

Оказалось, что Саша видел ее один раз, и то в машине Стаса. Женщина не вышла из машины и не была ему представлена. Сидела на переднем сиденье, как бы отключившись от всего. Не смотрела в их сторону. Не курила. Не пудрилась, не красила губы, не читала. Вообще ни черта не делала, разве что моргала да дышала.

– Как она выглядит? – требовательно спросила Таня. – Сколько ей на вид лет?

Саша оказался отвратительным физиономистом. Таня поняла одно – женщина не была ослепительной красавицей. И вообще, выглядела довольно серо. Была одета во что-то такое... неприметное. На вид – уже не девочка, точнее сказать трудно. Саша запнулся, и в этот момент Таня услышала, как с кухни доносится голос Агны:

– Голубцы готовы!

Хозяева уговаривали ее остаться пообедать с ними. Агна старалась больше из вежливости. Она так плохо скрывала свои эмоции, что Таня ее пожалела. Сколько страданий из-за такой ерунды, как дружеский поцелуй в щеку! Саша пошел проводить гостью до лифта. Уже нажав на кнопку, он, понизив голос, предложил помочь деньгами. Таня улыбнулась:

– Все-таки хорошие были у Стаса друзья... Вот и Юрка предложил помочь. Спасибо, пока не нужно. Как твой бизнес?

Саша пообещал рассказать об этом потом, во всяком случае, не на лестничной площадке. И поинтересовался, как же Юрка выкручивается с арендой квартиры? Ведь он платит пятьсот долларов в месяц. Неужели и дальше будет там жить?! При нынешнем курсе? Хотя сегодня он идет уже по двенадцать рублей.

Таня шагнула в лифт... И только когда за ней закрылись двери и кабина со скрежетом поехала вниз, она поняла, что именно только что сказал Саша. «Сегодня доллар стоит двенадцать рублей? Но тогда Ксения уже выбила мне дверь! Сто лет ей не звонила!»

Ксения дверь не выбила, но, увидев подругу, очень обрадовалась:

– А я тебе звоню-звоню! У тебя нервы крепкие? Как думаешь, покупать баксы сегодня или еще подождать? Алеша говорит – есть вероятность, что доллар еще упадет. Но тогда, скорее всего, баксов уже не купишь. Кто же их будет продавать? А у валютчиков есть шанс нарваться на фальшивые.

Таня молча открыла сумку и показала толстую пачку денег:

– Пошли, покончим с этим сегодня. Не могу больше думать о валюте, есть проблемы поважнее.

Ксения выразительно взглянула на нее и присвистнула:

– Ну конечно. Кто о чем, а Танька о Стасе. Еще не успокоилась?

Таня замкнулась и не открывала рта, пока подруги в сопровождении Алешы не оказались на улице. Следующие полчаса они провели в Алешиной машине, разъезжая от пункта к пункту. Закрыто было почти везде. Алеша выходил, неторопливо приближался к легко узнаваемым темным личностям и вел переговоры. Потом возвращался в машину и поливал матом все, включая жену.

– А шли бы вы все! – в сердцах говорил он, сворачивая на следующую улицу и высматривая вывеску обменного пункта. – Еще и за Таньку отвечай с ее деньжищами... Они продают только по пятнадцать рублей, сволочи!

Наконец, уже ближе к центру, им повезло. Они нашли открытый обменный пункт и совершенно официально совершили покупку долларов. Причем Ксения купила две тысячи, а Таня – четыре с половиной. Она поверила в это, только оказавшись снова в машине и пересчитав купюры.

– Кому война, а кому мать родна, – сообщила счастливая Ксения. – Леш, умная у тебя жена?

Тот что-то буркнул. Таня упрятала деньги поглубже в сумку и задумалась. Спекуляция была совершена. И уголовно не наказуема – ведь обмен совершался официально. Но у нее почему-то остался неприятный осадок, как будто она кого-то обманула и деньги в ее сумке – чужие.

– Танька, ты что, корова, не рада?! – Ксения еле сидела на месте, ее всю передергивало от возбуждения. – Давай съездим на «Динамо», приоденемся?

Алеша забурчал погромче. Из его ворчания Таня поняла, что он не одобряет затею жены потратить прибыль на тряпки. Денег и так мало, а что будет дальше – неизвестно.

– Только не надейся, что такие дела можно будет проворачивать каждый месяц, – зло закончил он. – Вот проведут какой-нибудь закон насчет свободного хождения валюты – тогда узнаешь. Повезло один раз – ну и заткнись! Ты еще всем соседям раззвонишь, я тебя знаю.

Ксения скорчила рожицу и снова повернулась к Тане:

– А свекрови ничего не давай, слышишь? Скажи, что тебе зубы надо вставлять, что-нибудь придумай. Они у тебя все вытянут. Больше не звонили?

Таня качнула головой. Ни родители мужа, ни Славка больше ни разу не появились на ее горизонте. Это было странно и неприлично, но она уже не задумывалась над их поведением. Можно ли было ожидать чего-то другого? Раньше у нее было одно оправдание перед ними – любовь мужа. Теперь ее никто не любил и не защищал – и она всех раздражала, как нечто бесполезное, ненужное, лишнее.

– О чем ты думаешь? – Голос подруги звучал уже раздраженно.

– Что? – очнулась Таня.

– Я спрашиваю – тебя домой отвезти?

Таня поинтересовалась, где они находятся. Название улицы показалось ей знакомым. Она попыталась понять почему. И откуда она знает этот синий навес над магазином секонд-хенда?

– Кстати, можно зайти к Валерке, – заметила Ксения.

«Ну конечно!» Таня убедилась, что была права. В этом доме жил Валера – самый старый друг мужа. Стас говорил, что они еще в детский сад ходили вместе. И конечно, Ксения с Алешей тоже его знали. Но Алеша снова показал свой крутой характер. Он заявил, что едет домой. А бабы, если им хочется, могут шляться по гостям.

– Вот чего не понимаю – что за кайф ходить в гости без приглашения! – резко заметил он.

– А что за кайф сидеть с тобой дома и слушать бесконечное нытье?! – взорвалась Ксения. – Ты меня даже не похвалил!

И прежде чем муж успел что-то сказать, она хлопнула дверцей и решительно направилась к знакомому дому. Таня извинилась и сказала, что тоже домой не поедет.

– Да делайте что хотите! – Алеша провожал взглядом жену, которая как раз сворачивала во двор. Через мгновение Ксения скрылась из виду. – Только осторожнее с деньгами. Хотя мне теперь все равно. Если тебя ограбят – я не отвечаю.

И Таня сказала, что, конечно же, он не обязан ее охранять.

Ксению она нагнала уже у двери Валериной квартиры. Та упорно жала на кнопку звонка и прислушивалась – есть ли звук?

– То ли звонок испорчен, то ли его дома нет, – мрачно сообщила она. – Он уехал?

Узнав, что Алеша сразу укатил, Ксения заметно расстроилась. Она еще раз нажала на звонок, спустилась на площадку и достала сигареты. Таня присоединилась к ней.

– Ну что за сволочные мужики, – неопределенно сказала Ксения. Это могло относиться к кому угодно, но Таня поняла, о ком говорит подруга. Несколько минут они молчали. И вдруг Ксения неожиданно расхохоталась.

– Что-то вспомнила? – с надеждой спросила Таня. Ей уже надоело это похоронное настроение.

– Вспомнила! Валерка же переехал! Вот, блин, хорошо, что там никого нет, а то бы мы вломились!

Таня удивилась. Еще месяц назад она звонила Валере домой по поручению Стаса. Телефон у него был прежний, и тот ни слова не сказал о переезде. Ксения объяснила, откуда у нее такие сведения:

– Я звонила ему накануне похорон, чтобы он тоже знал и пришел... А какая-то женщина сказала, что он тут больше не живет, и бросила трубку. Просила больше не звонить.

Действительно, Валера на похороны Стаса не пришел. Тогда Таня не придавала этому значения. Друзья мужа занимались бизнесом, часто бывали в разъездах. И какая ей была разница – одним человеком больше, одним меньше? Если бы никто не пришел – ей было бы все равно.

– Ну, так поехали домой? – предложила Таня.

– Постой, но как же теперь с ним связаться? – Ксения погасила сигарету и задумчиво оглядела двери на площадке. – Должен ведь кто-то знать.

И она оказалась права. Первая же соседка, которая открыла дверь на их звонок, выдала самую полную информацию. Когда дверь перед девушками захлопнулась, они медленно повернулись друг к другу.

– Она что, больная? – невыразительно произнесла Ксения.

Таня ничего не сказала. Валера умер? Умер за три дня до того, как погиб Стас? В тот самый день его и хоронили, и никто ничего не знал, и никто не пришел на похороны. Валера – удивительно жизнерадостный, смешливый парень – выбросился из окна подъезда, поднявшись на последний этаж своего дома? Это было похоже на дурную шутку. Но соседка, которая с ними разговаривала, как будто не шутила. Она говорила сухо и укоризненно. Ее последние слова до сих пор звучали у Тани в ушах: «Раньше надо было интересоваться, пока был жив!»

– Постой, так нельзя! – Ксения пришла в себя первой и снова позвонила в соседскую дверь. На этот раз им не открыли, послышался глухой голос:

– Что еще?

– Кто сейчас там живет? – прокричала Ксения. – Там была какая-то женщина!

– С ней и разбирайтесь! – прозвучал раздраженный ответ. – Оставьте меня в покое, я голову мою!

Подруги переглянулись. Ксения сделала еще одну попытку – позвонила к другим соседям. Но там никто не открыл, хотя «глазок» потемнел. Кто-то подкрался к двери и осторожно смотрел на девушек, не подавая голоса.

– Пойдем отсюда, – тихо сказала Таня. – Тебе ведь все сказали. Это правда.

– А я хочу знать, что там за баба! – Ксения в последний раз позвонила в дверь Валериной квартиры. С прежним результатом. – Может, кто-то его убил, а квартиру захватили! Знаешь, как это делается?

С великим трудом Тане удалось увести подругу. Дотащив ее до магазина секонд-хенда, девушка выбилась из сил. Ксения то и дело собиралась повернуть назад и добиться правды. На нее подействовал один аргумент: при них находятся крупные суммы в валюте. И эти суммы надо прежде всего доставить домой. А уж потом – искать правду, потому что занятие это довольно рискованное.

– Но какое свинство, – уже в такси заметила Ксения. – Я ведь помню, как они дружили. И никто, никто буквально не поинтересовался, где Валерка, что с ним... Ведь не мог он прыгнуть из окна ни с того ни с сего!

Таня не ответила. Она пыталась вспомнить, с кем жил Валера. Он всегда встречал гостей один, постоянной девушки у него не было. Родители жили в другом районе Москвы, а эту квартиру Валера купил самостоятельно. Девушка достала записную книжку... Конечно, там не было телефона родителей Валеры. Его собственный был, но что от него проку? Там отвечает какая-то женщина... Может быть, его мать?

Она поделилась догадкой с Ксенией, и та сказала, что очень может быть. А ответили ей так грубо потому, что никто из друзей не явился на похороны.

– Но ведь никого и не звали! – возразила Таня.

– На похороны не зовут, люди сами должны прийти! – нравоучительно ответила подруга.

– Но мы же и не знали!

– Может, кто-то и знал, но из-за твоего Стаса все из головы вылетело!

Таня в это не поверила. Из-за атомной войны об этом можно забыть, почему бы нет? Но из-за другой смерти?.. Неужели одно вытеснило другое? Она пыталась вспомнить – может, кто-то звонил, а она не взяла трубку? Может, прислали открытку, а она не прочла? Ксения тоже замолчала. Так, в молчании, они доехали до дома. Уже в подъезде Ксения вдруг встрепенулась и тоненьким голоском заявила:

– Мне страшно.

Таня удивилась. Это было совсем не в характере подруги. Но ей и самой было не по себе. И особенно угнетало то, что придется вернуться домой. Там было так пусто и тихо... Впервые ей в голову пришла мысль, что лучше уж жить с нелюбимым человеком, чем вот так – ни с кем. «По крайней мере, можно поругаться, – подумала она, отпирая дверь. – Нет, надо что-то придумать. Подберу котенка...»

Таня принимала ванну, когда услышала телефонный звонок. После седьмого сигнала сработал автоответчик – она подключила его перед уходом. Таня была рада наступившей тишине – ей как раз хотелось спокойно полежать в горячей воде и подумать. Но еще больше хотелось посоветоваться. Только с кем? Приятели Стаса погрязли в своих проблемах, и нелепо навязываться к ним со своими вопросами. Попросить Ксению погадать?

Выйдя из ванной и поставив чайник, она прослушала сообщение на автоответчике. И удивилась – звонил Юра, извинялся, что сразу не сообразил, и очень просил ее приехать. Желательно прямо сейчас. Он очень ее ждет, кое-что вспомнил о Стасе. Таня взглянула на часы. «Не слишком-то и поздно, просто раньше стало темнеть. Юрка мог бы приехать сюда, у него все-таки машина». Она набрала его номер, но там ответили частые гудки. Набрала еще раз, уже одевшись, – снова занято. Таня положила в сумочку ровно столько денег, сколько нужно на такси в оба конца. Остальное спрятала, и, как ей казалось, надежно: в мусорный мешок пылесоса.

К тому времени, как она добралась до Юриного дома, стало почти темно. Таня плохо разбиралась в сторонах света, но была уверена: этот ветер – северный, прямиком с полюса. «После горячей ванны – самое то! – Стуча зубами, она пробиралась по темному двору. – Подхватчу менингит, и здравствуйте... Если б знала, что погода так испортилась, – сидела бы дома!»

На кухне у Юры она заметила свет. К счастью, свет горел и в подъезде – она до смерти боялась темных подъездов, с самого детства. Таня наклонилась, высматривая знакомый кирпич, но он пропал. Сигнализировать как-то иначе не имело смысла. В крайнем случае можно было постучать Юре в окно, но оно находилось довольно высоко, несмотря на первый этаж. С великой неохотой Таня снова вышла на холод, встала на цыпочки и забарабанила по стеклу кончиками пальцев. Подождала ответа, но в окне никто не появился. Занавеска висела неподвижно, за ней горел свет. Тогда она нащарила поблизости камень себе по руке, вернулась в подъезд и забарабанила в косяк.

Она стучала добрых две минуты, пока не выбилась из сил. Открывать никто как будто не собирался.

– Придурок! Если он пошутил... – Таня собралась с духом и еще раз врезала камнем по косяку, покрытому царапинами. От удара железо содрогнулось, и внешняя дверь бесшумно приоткрылась – на сантиметр, не больше.

Впервые Юра не заперся на все замки. Это было так удивительно, что Таня даже перестала сердиться. Она потянула на себя тяжелую дверь, потом осторожно толкнула внутреннюю... Открылась и она.

– Это я! – крикнула Таня, переступая порог.

В ответ кто-то быстро заговорил – напряженным, неестественным голосом. Она вздрогнула, но тут же опознала радио. Видно, оно работало круглые сутки. С кухни доносился запах молотого кофе. Там горел свет. В других комнатах было темно.

Но и на кухне никого не оказалось. Ни Юры, ни его дамы – ни одной живой души. На столе стояла открытая кофемолка, на крышку густо налип кофе тонкого помола. Горела одна из газовых конфорок, но чайник стоял рядом, на столе. Таня машинально заглянула под крышку и поставила чайник на огонь. В спальне послышалось какое-то движение.

– Юра? – негромко и уже сердито окликнула его Таня. – Ты что, спишь?

Он не ответил. Таня молча ждала еще несколько минут. Она решила дать ему время одеться – он явно уснул, ожидая гостью. Потом Таня занервничала – в спальне было слишком уж тихо и все еще темно.

– Юр, ты вообще где? – крикнула она.

И услышав в ответ тишину, погасила сигарету, вышла в коридор, нажала один выключатель, другой... В спальне никого не было. А звук, который привлек ее внимание, раздавался за стеной – как видно, сосед по вечерам занимался мелким ремонтом. Глухие удары молотка вскоре утихли, и она вдруг поняла – в квартире вообще никого нет, кроме нее. Это чувство пустого дома было слишком ей известно. Это оно доводило Таню до безумия в первые дни после смерти мужа... Она застыла, боясь двинуться с места. Открытые двери – это при Юриной осторожности! Над этими дверями смеялись все его друзья – ведь Юра зарабатывал меньше всех, ему нечего было охранять! Тем не менее на окна он поставил решетки. И всегда спрашивал через дверь, кто это его посетил.

«Он мог выйти к соседям...» – подумала Таня, ничуть себе не веря. Вернулась в коридор и включила свет в большой комнате, там, где бормотало радио.

Она сразу увидела Юру. Он лежал на белой деревянной плите – сюда он обычно ставил или усаживал своих моделей. Таня и сама снималась в этом углу – у стены стоял огромный штатив с рулонами цветной бумаги. Юра мог подобрать любой фон по своему желанию, развернув бумагу от потолка до пола. Сейчас был развернут серый рулон. Развернут и порван внизу – там, где бумага касалась пола. И везде – на плите, на бумаге, на полу – были темно-красные пятна.

Тане стало плохо. Она знала, что надо хотя бы подойти, взглянуть, что случилось. Быть может, еще можно помочь... Но вместо этого она бросилась к входной двери. Запнулась о камень, ухватила за косяк... Камень? Откуда здесь камень? Кирпич, которым она била в дверь сегодня днем, теперь лежал в коридоре. И он тоже был в крови. Она хотела закричать, но боялась услышать свой голос. Из комнаты доносилась веселенькая музыка – что-то очень знакомое. Что-то очень знакомое вертелось у нее в голове. Уходя из дома, Стас сказал: «Ты меня не жди». Она готовила обед и решила, что его слова относятся к еде. Стас, действительно, мог вернуться поздно, и Таня могла совсем оголодать. Но теперь она снова видела его глаза, слышала серьезный голос. Он немного задержался на пороге, как будто хотел сказать что-то еще. Потом ушел.

«Он знал! – Таня стояла, привалившись к стене, и упорно смотрела на кирпич у себя под ногами. Ни на что другое она смотреть не могла. – Он знал, что не вернется. Но шел не на смерть. Ему было неловко передо мной, но он не боялся... Не боялся. Как и Юра. Наверное, Валера тоже не боялся подниматься на семнадцатый этаж... Ведь он не мог умереть по своей воле! Никто из них не мог! Сегодня днем Юра сказал, что ничего предчувствовать нельзя. И уж тем более – свою смерть».

Милицию она вызвала, поднявшись на второй этаж к соседям. Ее неохотно впустили в квартиру. Помогли только ее заверения, что внизу лежит труп. Хозяева даже не вышли посмотреть на Таню. Она стояла в просторной, холодной прихожей и говорила по телефону под наблюдением пожилой домработницы.

– У него что, телефона нет? – не приветливо спросила эта женщина, когда Таня положила трубку.

– Есть. Как раз в той комнате, где лежит труп.

Таню трясло, и она не понимала отчего – от холода или от страха. Она знала, что сейчас придется спуститься к Юре и ждать приезда милиции наедине с трупом... Можно, конечно, запереться на кухне. Но от самой себя не запрещаешься. Она слишком хорошо запомнила и его позу, и пробитую голову, и кровавые пятна.

– Можете посидеть здесь, – неожиданно предложила домработница, указывая на диванчик в углу.

Видно, вид у Тани был совсем замогильный. Но девушка отказалась:

– Не стоит, я подожду их там.

Таня соврала. Все время до приезда милиции она простояла в подъезде, у двери Юриной квартиры. Она дико замерзла, но это все равно было лучше, чем сидеть наедине с трупом. Вся площадка была усыпана окурками ее сигарет. Таня сгребла их в угол носком туфли, на то место, где раньше лежал кирпич. «На этот раз на несчастный случай не похоже», – подумала она. И сама испугалась своих мыслей.

Глава 5

– Как вы сюда попали?

Наконец-то к ней кто-то обратился! Таня с надеждой взглянула в лицо подошедшему вплотную мужчине. Он был в штатском, весь какой-то мятый, лицо серое, глаза – тоже серые, усталые. Мужчина встретил ее взгляд и представился:

– Капитан Макаров. Это вы вызвали милицию?

Таня подтвердила, что она. И что попала сюда очень просто – дверь была не заперта. Опережая расспросы, она торопливо рассказала и об отсутствии звонка, и о кирпиче, который сегодня вечером оказался в неположенном месте... И о том, почему она приехала сюда так поздно.

– Он просил вас заехать? – уточнил Макаров. – Зачем? Не сказал?

– Сказал, что вспомнил что-то важное... – Таня запнулась. – Я сегодня уже была у Юры. Днем. Это касается моего мужа... Он недавно умер, и Юра что-то вспомнил про него... Я просила вспомнить...

Девушка вздрогнула и отвела взгляд в сторону. В коридоре показались люди с носилками. Они долго разворачивались в дверях, чтобы выйти на узкую лестничную площадку. Таня впервые поняла, что же случилось на самом деле. Здесь никаких сомнений быть не могло. Если в случае Валеры все было похоже на самоубийство, а со Стасом – на несчастный случай, то здесь...

– Это убийство? – робко спросила она.

Вопрос дался нелегко. Но Макаров как будто ее не услышал. Он пожелал знать, в какой форме ее пригласил приехать хозяин квартиры. О чем шла речь?

– Но я с ним не разговаривала! Я принимала ванну, услышала звонок... А потом прослушала сообщение на автоответчике.

– Во сколько это было?

Таня поморщилась – никогда не была сильна по части точности. Но в конце концов ей удалось припомнить более-менее точное время. Макаров велел ей подождать и вышел из кухни. Пока он вел какие-то переговоры в большой комнате, Таня выкурила последнюю сигарету. Наконец капитан вернулся.

– Говорите, он звонил вам около девяти вечера?

Таня подтвердила.

– Но эксперт говорит, что ваш приятель к тому времени уже три-четыре часа был мертв.

– Я... Я не знаю... – До Тани смысл его заявления дошел не сразу. Она с трудом подсчитала, что он говорит о пяти-шести часах вечера. – В это время я была в городе, в гостях у старых друзей. Они могут это подтвердить...

Она совершенно растерялась. Ей показалось, что все оборачивается ужасно и ее просто стараются запутать. Если уж им некого арестовать, то, может, имеют виды на нее?! Но Макаров об аресте не упомянул. Он только попросил повторить историю с автоответчиком. И задал еще один, неожиданный вопрос:

– Днем вы были дома?

Узнав, что Тани дома не было, он попросил сказать – был ли включен в то время автоответчик? Она уже начинала понимать, к чему все клонится, и радостно воскликнула:

– В самом деле, Юра мог позвонить и раньше! А когда я была в ванной... Мог звонить кто-то другой и просто не оставить сообщения! Ведь часто так и бывает, когда человек хочет поговорить лично! Я сама никогда не оставляю сообщений на пленке, мне это не нравится.

Она была рада, что так удачно выкрутилась. Ее попросили пройти в большую комнату, затем – в спальню. Она подробно описала, как вошла в квартиру, что именно увидела, как вела себя дальше.

– Это квартира Гурзо?

Она впервые услышала фамилию Юры и сперва не поняла, о чем идет речь. Ей предъявили его паспорт, и при виде свежего бурого пятна на одной из страниц ее едва не стошнило. В большой комнате и в коридоре повсюду были пятна крови. Именно поэтому Таня забилась в кухню, как только вошла в квартиру вместе с милицией. На кухне было относительно чисто.

– Юра снимал квартиру за пятьсот долларов в месяц. У кого – не знаю. Да! – Таня все больше приходила в себя. – Сегодня тут была какая-то женщина, я первый раз ее видела.

Она описала и женщину. Правда, описание грешило неточностями. Собственно, Таня видела ее мельком, и всего два раза. Первый раз – в комнате на диване, но тогда Таня больше рассмотрела ее фигуру, а не лицо. И во второй раз девушка увидела гостью в окне, когда женщина выглянула посмотреть, отчего сработала сигнализация у машин...

– Почему она выглянула в окно? – поинтересовался Макаров. – У нее была машина?

Этого Таня не знала. Она не знала даже имени женщины. Не знала даже, снималась ли та у Юры или присутствовала в качестве близкой знакомой.

– Гурзо ничего о ней не рассказывал?

Таня была уверена, что ничего. Ей и самой тогда хотелось как можно больше узнать об этой женщине. Если бы Юра стала откровенничать, она бы это запомнила. Наконец Макаров ее отпустил. Она предъявила ему паспорт, дала свой телефон. И уже в последнюю минуту упомянула, что по делу ее мужа тоже ведется следствие. Таня назвала фамилию Каримова.

– Все это как-то странно. – Она беспомощно оглянулась от порога большой комнаты, бросила взгляд на разорванную, испачканную кровью бумагу на штативе... На фоне этой бумаги она позировала для того снимка, который Стас носил в бумажнике.

– Что странно? – уже невнимательно откликнулся Макаров. Он разрешил девушке идти и больше ею не интересовался. Во всяком случае, в этот вечер с нее было уже нечего взять.

– Странно, что и мой муж погиб, и Юра... И еще один парень, их друг. – Таня запнулась, прикусила губу. Потом криво улыбнулась: – Какой-то мор на мужиков. Я понимаю, что в Москве криминальная обстановка, но чтобы до такой степени...

Макаров спросил, есть ли у нее машина. Нет? А деньги на такси? Она сказала, что есть.

– Ну так езжайте домой, уже поздно. Будет нужно – мы вам позвоним. Чего вы ждете? Телевидение не приедет.

Этот человек, серый и усталый, казалось, спал на ходу. При одном взгляде на него начала одолевать зевота. Таня оставила все попытки объяснить, что творится в последние дни среди ее знакомых. Если он и поймет – то все равно ничему не удивится. Только выставит ее полной дурочкой – чего лезет к занятому человеку? Ведь дело ее мужа ведет не он. А дело Валеры? Существует ли такое дело? Пользуясь тем, что капитан Макаров еще не выставил ее за дверь, Таня спросила его об этом.

– Самоубийство, как любая насильственная смерть, расследуется, – невыразительно ответил он. – Половина двенадцатого, езжайте домой, бога ради. Не хватало еще за вас отвечать.

На лестничной площадке курил молодой парень в черной кожаной куртке. Увидев Таню, он приветливо к ней обратился:

– Отпустил?

Она поджала губы и молча прошла мимо. Парень крикнул ей в спину:

– Давайте на такси посажу!

Таня опять промолчала. Уже во дворе он нагнал ее и быстро пошел рядом. Таня резко остановилась:

– Ну что вам нужно?

– Да ничего, – все так же весело ответил парень. – Провожу до машины. Посажу, покажу свое удостоверение. По крайней мере, довезут, куда надо.

– Это вам Макаров велел? – Таня раздраженно полезла в сумку за сигаретами, убедилась, что пачка пуста, и выбросила ее в лужу.

Парень, будто по команде, достал «Кэмел»:

– Угощайся, – он как-то естественно перешел на «ты».

На вид он казался ровесником Тани. У него были веселые, светлые, довольно наглые глаза и немного лягушачья улыбка. Таня поколебалась, но все же взяла сигарету. Прикуривая от его зажигалки, она получше рассмотрела его лицо. Не урод и не красавец – нечто среднее. «Из таких вот веселых практикантов потом получается такая серятина, как Макаров...» – подумала она. Девушка скупно поблагодарила, на что парень отозвался довольно неожиданно:

– Ментов никто не любит. Но с Макаровым тебе, считай, повезло. Он мужик надежный.

– Почему это мне повезло? – строптиво ответила она. – Юра мне никто. Просто знакомый. И вообще, мне пора.

Парень честно довел ее до проспекта, поймал машину и велел шоферу доставить девушку целой и невредимой. Он много шумел и суетился, но пожилой шофер даже не взглянул на его удостоверение. Зато Таня взглянула и прочла его имя. Парня звали Виталий Тимошин. Он велел ей не расстраиваться и еще раз повторил, что с Макаровым ей повезло. Таня больше не возражала. Она зажмурилась и не открывала глаз, пока машина не отъехала от бровки тротуара.

Для Тани на этих похоронах многое было вновь. Впервые она увидела Юриных родителей и его младшую сестру – худенькую, миниатюрную девушку, крашеную брюнетку, всю в черном. Впервые поняла, что Юра изо всех сил тянулся за своими более обеспеченными товарищами и в результате все время жил не по средствам. Это она уяснила из разговора его сестры с каким-то парнем. Девушка говорила негромко, но и не слишком заботилась, чтобы ее не слышали.

– Одних долговых расписок на две с половиной тысячи. – Она неподвижно смотрела на гроб, но голос звучал просто и буднично: – Следовательно все спрашивал, кто такие эти люди. Как будто они могли убить своего должника! Глупости... Вот не знаю, что будет. Занимал-то он, а отдавать, может, придется нам. Пока нас, правда, не трогают... А где нам две тысячи взять? Перезанимать – это безумие.

– Один выход все равно есть, – заметил парень. – Продать его машину.

– Машина-то не его, а папина.

Таня заметила, что парень косо на нее взглянул, и отошла в сторонку. Родители Юры заказали по нему панихиду, но священник почему-то опаздывал. Все ждали его, томились, многие уже посматривали на часы – день был будничный, кого-то ждала работа. К Тане неслышно подошла Агна. За эти несколько дней она еще больше похудела. Как видно, отношения с Сашей ухудшались день ото дня.

– Как ты это выносишь? – Она сжала Танины пальцы, с состраданием заглянула ей в лицо. – Сперва мужа похоронить, потом взять и найти труп...

– Да ничего, нормально, – неожиданно для самой себя цинично ответила Таня. – А как у тебя дела?

Мягкий тон Агны ее не обманул. От Саши она уже узнала, какие сцены закатил ему сожительница, – и все из-за Тани. Саша с негодованием сообщил, что Агна пыталась запретить ему даже звонить Тане по телефону. Они созвонились накануне похорон. Сам Саша не мог явиться и послал подругу. Та пришла в полном трауре, как будто хоронила ближайшего родственника. Родители Юры посматривали на нее с недоумением. Они явно пытались понять, кем приходилась сыну эта девушка – симпатичная, загорелая, молоденькая, с очень напряженным взглядом.

– Сперва Валера, потом Стас, а теперь вот Юра. – Агна звонко шелкнула замком сумки, сунула туда совершенно сухой платок. – Ничего не понимаю. Самоубийство, потом несчастный случай... А Юру убили. Его ограбили?

– Нет. – Таня отошла еще дальше от вырытой могилы. – Ты хотя бы говори потише, здесь его родня. Его просто убили. Вроде бы как всегда постучали в дверь кирпичом, он открыл, его ударили тем же кирпичом, потом еще несколько ударов... Забили парня, как скотину в глухой деревне. Я помню, сколько было крови.

– Но зачем? – Агна сделала большие глаза. – Неужели так просто убили, ради самого убийства?

– Не знаю. Но у него нечего было воровать. Он даже за квартиру в последний месяц не платил. Машину не угнали. Никто ничего не понимает.

Все эти детали она узнала из первых рук. Накануне похорон Тане позвонил какой-то мужчина. Сперва она не поняла, с кем говорит, потому что абонент не представился. И только когда он вдруг перешел на «ты», она узнала голос Виталия, парня с веселыми наглыми глазами. Он сказал, что нужно забрать кассету, где записано Юрино приглашение в гости. Эту кассету с автоответчика Макаров велел ей сохранить, и вот теперь требовалось доставить ее по назначению. Таня думала, что ее саму вызовут на допрос. Но Виталий сообщил, что Макаров сейчас занят другим делом, более срочным, и сказал, что заедет за кассетой сам, адрес у него есть.

Таким гостям не отказывают, да Таня просто не успела сказать «нет». Она подозревала, что никакой срочности не было и с кассетой, просто она приглянулась молодому практиканту, и тот всю пользуется служебным положением. Такой случай в ее биографии уже был. Тогда она училась в десятом классе, в родном Калининграде. Придя домой из школы, Таня обнаружила, что дверь в квартиру взломана, а из дома пропал телевизор и магнитофон – ничего более ценного ворами под руку не попало. Вещи так и не вернули, зато Таня так понравилась какому-то милиционеру, что тот через день заходил в гости, пил чай и рассказывал о том, что его служба и опасна, и трудна.

Виталий тоже, как видно, рассчитывал на чай. Он явился с пакетиком печенья и сразу прошел на кухню. Таня подчеркнутым жестом положила на стол кассету.

– Это что? – удивился парень.

Узнав, что имеет дело с вещественным доказательством, уложил кассету в целлофановый пакет (который попросил у Тани). Она наблюдала за ним с иронией. И поставила чайник на плиту только тогда, когда парень пожаловался на усталость. «В конце концов, он с работы, – подумала девушка, возясь у раковины и затылком чувствуя его взгляд. – И может, что-нибудь расскажет...»

Виталий ничего нового не рассказал. Прежде всего отговорился тем, что не имеет права посвящать посторонних в тайны следствия. Таня фыркнула:

– Да я же не посторонняя, я – главный свидетель. Или еще свидетели нашлись?

Соседи Юры, как сообщил гость, никого не видели. Не видели даже женщину, о которой рассказала Таня.

– Но я ее не выдумала! – возмутилась девушка.

Виталий только плечами пожал:

– Он жил один, так все говорят. Все равно дело привяжется к деньгам. Не заплатил долгов, не внес квартплату... Правда, квартирная хозяйка отрекается, что брала с него пятьсот баксов в месяц. Понятно – налогов платить не хочет. Договора-то не было. Свободно могла нанять какого-нибудь хмыря, чтоб тот выбил деньги с жильца. Ну а тот перестарался.

Допив чай, он пожаловался, что милиция сейчас перегружена. Сколько квартирных краж, сколько грабежей... Нечто невиданное, иногда побриться некогда! И он провел ладонью по заросшим щекам.

– Так украли у него что-нибудь или нет? – поинтересовалась Таня, провожая гостя.

– Так, шмотки, – ответил он, рассматривая себя в зеркале. Как видно, парень остался доволен своей внешностью, потому что вдруг повеселел: – Ну я буду держать тебя в курсе дела!

Он пообещал звонить и уже нажал дверную ручку, когда Таня напомнила, что он не взял кассету. Даже это его не смутило, и он ушел в прекрасном настроении.

...И сейчас, глядя на приближающегося священника, Таня вспомнила этот вчерашний визит. У Юры ничего не украли, и красть было нечего, разве что машину... Виталий упомянул про какие-то шмотки. Что он имел в виду? Агна прервала ход ее мыслей, внезапно взяв Таню под руку:

– Меня всегда ужасно волнует панихида! Сейчас заплачу!

– Тебе что, часто приходилось хоронить? – машинально спросила Таня.

И Агна сказала удивительную вещь. Оказывается, ей просто нравится эта печальная церковная служба, и она всегда старается поприсутствовать. Так что похоронный опыт у нее богатый. И в самом деле, Агна держалась совершенно профессионально. Таня впервые видела, чтобы молодая девушка так умело вела себя на кладбище. В нужные моменты Агна крестилась, преклоняла колени и даже тихонько подпевала причетнику. Таня смотрела на нее с удивлением – никогда не думала, что эта девица так набожна.

Таня не собиралась оставаться на поминки. Ей было как-то особенно горько и одиноко и вспоминались другие похороны, другой священник... Юра тогда тоже приехал на кладбище. Как он сказал в последний раз? «Никто не может предугадать свою смерть?» И в самом деле, никто не может, иначе он не отпер бы дверь убийце. «Наверное, он даже не испугался, увидев в его руках кирпич, – подумала Таня. – И только когда тот замахнулся...»

Она опомнилась, увидев перед собой сестру Юры. Та что-то говорила Агне, Агна кивала в ответ. Оказалось, девушек приглашают на поминки.

– У нас дома, конечно, – девушка оглянулась на родителей. – За ту квартиру Юрка даже не заплатил.

– Спасибо, но... – начала Таня. Но Агна больно ущипнула ее за плечо и шепнула:

– От такого не отказываются!

...Юрины родители жили более чем скромно. Таня не переставала удивляться – как этот парень сумел создать видимость, что происходит из вполне состоятельной семьи?! Она увидела тесную двухкомнатную квартирку, с крохотной кухонькой. Штукатурка нигде не отваливалась, обои клочками не висели, но во всем была заметна тщательно замаскированная бедность. Мебель годов шестидесятых, техника – чуть ли не той же давности. На кухне страшно гудел и рычал пожелтевший от древности холодильник.

Таня не знала, что и думать. «Конечно, мои родители тоже не из богатых, но при двух взрослых детях можно жить иначе, куда лучше!.. Ведь Юра работал, что-то зарабатывал! Неужели ничем им не помогал? Да еще ездил на отцовской машине...»

– Удивляетесь, как мы хорошо живем? – Это Юрина сестра протиснулась на балкон, где стояла Таня.

Балкон остался единственным местом в квартире, где можно было уединиться. За стол еще не сели, и в комнатах была толчея. На кладбище народу приехало немного, но на поминки пришли, как видно, все соседи.

– Не то, чтобы удивляюсь... – деликатно начала Таня, но девушка ее перебила:

– А почему бы вам не удивляться? Я всегда мечтала, чтобы хоть один из его крутых друзей зашел к нам в гости! Может, тогда не стали бы с ним водиться!

Таню передернуло:

– О ком вы говорите? Какие крутые друзья? Мой муж тоже был его другом. Неужели вы считаете, что он стыдился бы Юры...

Девушка отмахнулась:

– Ну не ваш муж, так другие. Меня зовут Женя, давайте уж знакомиться. А кто такая эта блондинка в трауре? Она еще расплакалась на кладбище. Та самая Юрина пассия?

Прежде всего Таня представилась, а затем уж полностью просветила девушку насчет Агны. Женя удивилась:

– Странно! Значит, все-таки не она. Почему же его девушка не пришла?

– Которая? – в свою очередь удивилась Таня. – Разве у него кто-то был в последнее время?

Женя взглянула на нее как-то странно, но в это время их позвали к столу. Таня обратила внимание на то, что Юрина сестра постаралась сесть к ней поближе. И при первом удобном случае обменялась местами с соседом и оказалась совсем рядом. Таня поняла, что ей хочется поговорить. Она видела, что девушку что-то очень волнует. И не только смерть брата – что-то еще. Таня не ошиблась. Женя выждала для приличия несколько минут и тихо предложила выйти на лестницу, поговорить. Таня молча встала. Девушки протиснулись вдоль стены, на них многие оглядывались. Агна испуганно приподнялась:

– Уходишь?

Таня попросила ее сесть и успокоиться, обещала, что уйдет с ней вместе. Только на лестнице ей удалось вздохнуть полной грудью. Она поняла, как душно было в этой тесной квартирке. Таня предложила девушке сигарету, но та отказалась:

– Не курю. Скажите, так вы и в самом деле ничего не знали о его любовнице?

Таня замаялась. Женя называла любовницу «девушкой» и даже сперва решила, что это Агна. Все это никак не подходило к возрасту той женщины, которую видела Таня. Но она все же рассказала об этом эпизоде. Женя скривила губы:

– Очередная блажь! Скажите пожалуйста – обнаженная натура! Тоже мне Кустодиев нашелся! Он купил всю эту дорогущую аппаратуру для съемок, решил делать на этом деньги. И конечно, ничего не вышло.

– Я думала, это просто его новое хобби, – заметила Таня. – Женя, скажите, неужели у него совсем не было своих денег? Я слышала на кладбище про какие-то долги... Он никогда об этом не говорил.

– Стеснялся. – Женя опять скривила рот на сторону, и только тут до Тани дошло, что это не улыбка, а нервный тик. Губы девушки то и дело передергивала судорога, которая уродовала это нежное, почти детское лицо.

Впрочем, Женя вообще выглядела странно. К ее светлой, почти белой коже на удивление не подходил угольно-черный цвет волос. От этого лицо казалось резче, тяжелее. Она была совсем не накрашена и одета, как подросток, – в черные джинсы, черную фуфайку. Но если приглядеться, то становилось ясно – она ровесница Тани, если не старше ее. «Какие у нее странные глаза, совсем светлые, – подумала Таня. – И вся она какая-то изломанная, странная, резкая. Вполне возможно, что наркоманка. Тогда я вообще не завидую родителям...»

Женя тем временем отвернулась к окну и почти прижала нос к стеклу. Она смотрела, как у самых ее ног за стеклом раскачиваются красные гроздья рябины. Потом девушка как бы в пустоту сказала, что для ее родителей теперь все кончено. Таня вздрогнула – та как будто слышала ее мысли.

– Но ведь у них остаются вы, – несмело возразила она.

– Я?! – Женя резко вздернула узкие, в самом деле подростковые плечи. На Таню она по-прежнему не смотрела. – На меня никогда никто не рассчитывал. Я – никто, я – лишняя. Дали бы мне так себя вести, как Юрка! Он обдирал их до нитки, мы могли бы жить куда лучше! Эта шикарная квартира в центре – на какие деньги он ее снимал? Ведь ему на продукты не хватало, он постоянно являлся сюда за деньгами! А в последнее время уговорил отца заложить бабкины ложки! Уж до такого никогда не доходило!

И Таня узнала, что Юра провернул эту сделку буквально накануне своей смерти. Он примчался как угорелый, всех переполошил, сказал, что ему срочно нужны деньги, скоро он

все вернет. Женя была против, она вышла из своей комнаты и все высказала – и родителям, и брату. Даже теперь, передавая свои слова, девушка плохо владела собой. Таня могла только воображать, какой тогда поднялся крик.

– Я сказала, что по сути он – альфонс. – Женя с трудом справлялась со своим тиком, он даже мешал ей говорить. Ее лицо дергалось так, что Таня от души ее пожалела. – Но отец велел мне не вмешиваться. Мама достала с антресолей бабкино наследство – дюжину серебряных ложек, больших, для супа. Ложки очень красивые, золоченые, с чернью. Я их предупредила, что в ломбарде за них дадут сущие гроши. Мне ли не знать! Я там как-то цепочку заложила и кольцо... Теперь деньги пропали, и ложки тоже.

Она замолчала и схватилась за щеку, пытаясь успокоиться. Потом как-то сквозь зубы извинилась и сказала, что волнуется.

– Но ведь Юру не ограбили, – тихо напомнила Таня. – Деньги должны были уцелеть.

– Он отдал их своей любовнице, как они могли уцелеть! – ответила та. – Я, честно говоря, думала, это вы или ваша подруга. Она должна была прийти! Мне говорили, что в последнее время они просто не расставались. Какое свинство! Ободрать парня до нитки и даже на похороны не явиться!

Женя замолчала – из квартиры вышли двое мужчин, спустились к ним на площадку и закурили. Один осторожно похлопал ее по плечу и сказал, чтобы она не расстраивала родителей.

– Я никого не расстраиваю! – Женя даже не взглянула на него. – По крайней мере, я работаю!

А когда мужчины раздавили окурки и вернулись в квартиру, Женя достала из кармана кольцо с четырьмя ключами:

– Это вам ни о чем не говорит?

Таня впервые видела эти ключи. Женя кивнула:

– Ну еще бы, вы же там не жили. Это ключи от квартиры, которую он снимал. У Юрки было три комплекта. Один у него, другой у нас – на всякий случай. И один запасной, не знаю, где он сейчас. Квартиру опечатали, но я думаю, нам его вещи все равно не отдадут, даже когда следствие кончится. Квартирная хозяйка их, наверное, заберет за долги. А там один музыкальный центр чего стоит! По крайней мере, он точно Юркин.

Таня все еще не понимала, чего от нее хотят. После кратких объяснений до нее все же дошло – Женя решила забрать из опечатанной квартиры все более-менее ценные вещи брата. На взгляд Тани, это было бы только справедливо. Но законно ли?

– Вы спрашиваете у меня совета? – нерешительно переспросила она. – По-моему, это как-то карается, есть такая статья...

– А по-моему, если я их не заберу, то мы с голодудохнем, – ответила Женя, вызываясь позвякивая ключами. – Мы уже живем взаймы, и Юрку похоронили тоже взаймы. А печати можно на место прилепить. Это же простые бумажки.

Таня удивлялась только одному – зачем девушка рассказывает все это почти незнакомому человеку? Чем она может помочь? И снова Женя будто угадала ее мысли. Совершенно невозможно она пояснила:

– Я никого из его друзей не знаю, только вас более-менее. Это же вы его нашли, верно?

Таня подтвердила. Она все еще не понимала, чем может помочь.

– Мне нужны деньги, чтобы нанять машину, – резко, почти нагло заявила Женя. – Вы хоть понимаете, что денег у нас нет совсем? То есть ни копейки буквально, не знаю, что есть будем. Мой парень тоже без работы, и все, что было, отдал Юрке на похороны. И знакомые у нас такие же, оборванцы...

Последнее слово она сказала сквозь зубы. Таня вспыхнула и потянулась за кошельком:

– Я сколько могу, конечно...

– Да я не милостыню прошу, – оборвала ее Женя. – Вы вроде бы нормальный человек, должны понять. Там, кроме музыкального центра, – фотоаппаратура, дорогая мебель, холодильник... Но все громоздкое. Мне нужна грузовая машина, а может, не одна. И я не могу взять у вас займы столько... И не хочу брать! В жизни займы не брала!

– Ну тогда я вообще не понимаю! – в сердцах ответила Таня. – Зачем вы мне-то все рассказываете? Вы же на преступление идете, да еще грузовиками собираетесь вещи вывозить! Вас же весь дом увидит и сразу же милицию вызовут!

– Пусть это вас не волнует. – Женя снова прижала щеку ладонью. Сама-то она сильно волновалась, и Таня видела, многие ее слова – чистой воды бравада. – Я вам предлагаю очень простой вариант. Вы дадите денег, чтобы нанять машины и первое время как-то прожить, пока я не продам вещи. А взамен возьмете на эту сумму любую вещь, которую мы вывезем. На выбор. Вы же все там знаете, верно? Там есть очень симпатичные вещи, я помню. Я не могу брать займы, ни у кого не брала! Я предлагаю вам что-нибудь купить. Только сейчас же, деньги вперед.

Таня невольно вспомнила тот розово-серый диван, которому когда-то завидовала. Но все же предложение было достаточно диким – по сути дела, ей предлагалось купить ворованную вещь из опечатанной квартиры. Да еще и дать денег, чтобы эту квартиру обворовать! Только вчера вечером Виталий жаловался, что число квартирных краж и грабежей резко возросло. Значит, оно еще возрастет с ее помощью? Таня чуть было опять не предложила Жене денег займы, но тут же осеклась. «У нее какая-то извращенная гордость, как у всех бедняков, – подумала Таня. – А если ее поймают за руку? Я окажусь соучастницей... Да какого черта! Я просто ничего не знала!»

– Ну что, еще не решили? – нервно спросила Женя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.